

**Если всё «срастётся»,
ожидаемая
налоговая прибавка
может составить
от 3 до 4 млрд.**

(С. 6)

**Цените русский язык,
он — ваше самое
главное достояние,
а не нефть
и не ракеты.**

(С. 46)

ДАГЕСТАН

№2 (149)
МАРТ-АПРЕЛЬ 2018
dagjournal.ru

Колонка неглавного редактора

Весеннее обострение, симптомы и лечение

Как всегда по весне — немного разных новостей из жизни редакции и её перспектив на дальнейшее цветение и бурление жизненных соков.

Дорогой читатель, знаешь ли ты, что это такое — бюджетное проклятие? Нет, не «чтобы ты жил на одну зарплату» — это мы уже прошли. Так вот, сначала о грустном: журнал будет выходить в два раза реже — шесть раз в году вместо двенадцати. И это, как ты понимаешь, не наше решение, а исключительно бюджетные заморочки, которые, как движение тектонических пластов, происходят где-то в неведомых глубинах — вне наших концепций, планов и мечтаний.

Впрочем, не всё так плохо. Редакционный человеческий материал не исчерпал возможности к сопротивлению, поэтому писать мы меньше не станем. А вот больше, оперативней и, по возможности, ярче, красочней и разнообразней — да. Голь на выдумки хитра, поэтому мы собрались с силами, сменили адреса, явки, пароли и запустили обновлённый сайт — dagjournal.ru.

Пока он хромает на обе ноги, слегка трясёт головой и неразборчиво мычит, но процесс излечения запущен, админы заботливо ведут его под руки, и недалёк тот день, когда электронная версия перещеголяет бумажную обновками рубрик, тем и лиц. Поскольку даже в непрезентабельном состоянии сайт за неполную неделю дал такой всплеск интереса, о котором на старой страничке мы могли только мечтать. Так опытным путем

мы подтвердили справедливость парадокса «чем хуже — тем лучше» (здесь должен быть смайлик вежливой улыбки, чтобы не перевозбудить наших рачительных экономистов и экономов — это ирония, друзья).

Итак, трудности нас только закалили. А кое-кого и перековали: экономический обозреватель Андрей Меламедов примерил ампулу колумниста, комментатора и прогнозиста политических погод на завтра. Если коротко: затишье закончилось вместе с выборами, барометр падает, ждите бурь. Если пространно — усаживайтесь поудобней к свету и читайте «Кто не спрятался, я не виноват».

Все попытки установить в журнале табу и наложить вето на Кубачи и кубачинцев в очередной раз не увенчались успехом. На этот раз ювелиры Манаба Магомедова и Лейла Изабакарова зашли парой — со стороны солнца и Грузии. Оттуда же, идя на последнем крыле, Светлана Анохина доставила вью с Тинатин «Диас» Мжаванадзе — писателем книжек на замечательном русском.

Обратили внимание на девушку в коже и броском макияже на обложке? Если вас это зрелище вывело из равновесия и состояния благочестия — долистайте до «Неисправимой лёгкости» беседы с Хиринду-Сафи, там вы его обретёте заново.

Берегите себя и родных, друзья!

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Андрей Меламедов*
4 Инициатива снизу
- Андрей Меламедов*
6 «Кто не спрятался,
я не виноват»
- Наида Хаспулатова*
14 Диаспоры
- Влада Бесараб*
18 «Маминой настырности
во мне нет»
- Влада Бесараб*
23 Fusion.
Смешать по вкусу
- Влада Бесараб*
28 Непарадный Кубачи
- Генезис*
36 Сергей Лугуев.
Этика этноса

Фото в номере: Руслан Алибеков, Багжат Дибирчуева,
Мария Шерматова, Ольга Паволга

16+

ДАГЕСТАН

№2(149) март-апрель 2018 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

40 Хиринду-Сафи.
Неисправимая лёгкость

Светлана Анохина

53 Тайна его ведома
лишь Богу

Алибек Омаров

46 Тигры, летучие острова
и магнолии
Тинатин Мжаванадзе

Светлана Анохина

58 Тайная тетрадь

Магомед Бисавалиев

63 К морю, к дому, к храму

Дамир Саидгазин

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии
ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД,
г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

ИНИЦИАТИВА СНИЗУ

Ура, товарищи! Выборы, о которых так долго говорили в СМИ, соцсетях, на улицах и кухнях, — всё. Народ на участки валил косяками, наблюдателей практически не били, каруселей стало меньше, чем в прошлые годы, вбрасывали тоже достаточно умеренно — в общем, всё путём. Путин ожидаемо победил, проценты — хоть на выставку, а если кому-то показалось, что игра была не очень честной и чистой, это от лукавого. А ещё потому, что народ у нас не очень. Честно говоря, так себе народ: только отвернись, норовит что-нибудь украсть или вбросить. По-другому не может, не научили.

А ведь Васильев просил. Говорил: не нарушайте, нам честные выборы нужны, нам важно мнение народа узнать. Не услышали. Не поняли, что впервые за долгие годы — вот он, шанс организовать всё цивилизованно, красиво. Никакой накачки аппарата задолго до начала выборов, никаких предвыборных совещаний с доведением ожидаемых процентов до каждого муниципалитета, вообще ничего. Врио главы свой «день тишины» растянул больше чем на месяц. Если и говорил о выборах, то лишь в том плане, что они никак не повлияют на грядущие посадки. Мол, отстреляемся 18 марта и продолжим маски-шоу, так полюбившиеся народу.

Как оказалось, система наша научилась работать и без всякой команды сверху. Да и зачем нужны команды, если все люди грамотные, прекрасно знают, чего от них хотят и чего ждут. В конце концов, все телевизор смотрят и понимают, на что надеется родная партия. Единая и неделимая. В том плане, что голосами ни с кем делиться не намерена.

Стране ведь нужна стабильность. Которая, помимо всего прочего, предполагает, что чиновники по-прежнему останутся чиновниками. К тому же замеченная сверху активность может послужить индульгенцией — глядишь, и простят тебе прошлые грехи, закроют глаза на мелкие шалости, ещё один шанс дадут.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ
для голосования на выборах
Президента Российской Федерации

18 марта 2018 года

(Место для размещения
специального знака (марки),
подписей двух членов участковой
избирательной комиссии
с правом решающего голоса
и печати участковой
избирательной комиссии)

РАЗЪЯСНЕНИЕ О ПОРЯДКЕ ЗАПОЛНЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЮЛЛЕТЕНЯ

Поставьте любой знак в пустом квадрате справа от фамилии только одного зарегистрированного кандидата, в пользу которого сделан выбор. Избирательный бюллетень, в котором любой знак (знаки) проставлен (проставлены) более чем в одном квадрате либо не проставлен ни в одном, считается недействительным.

Избирательный бюллетень, изготовленный неофициально, либо не заверенный подписями двух членов участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса и печатью участковой избирательной комиссии, либо не содержащий специального знака (марки), признается бюллетенем не установленной формы и при подсчете голосов не учитывается.

В случае использования прозрачных ящиков для голосования, в целях защиты тайны голосования избирателя, избирательный бюллетень складывае лицевой стороной внутрь.

БАБУРИН Сергей Николаевич
1959 года рождения; место жительства — город Москва, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-политических исследований Российской академии наук», главный научный сотрудник; выдвинут политической партией «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «РОССИЙСКИЙ ОБЩЕНАРОДНЫЙ СОЮЗ»

ГРУДИНИН Павел Николаевич
1960 года рождения; место жительства — Московская область, Ленинский район, пос. совхоза им. Ленина; закрытое акционерное общество «Совхоз имени Ленина», директор; депутат Совета депутатов муниципального образования городское поселение Видное Ленинского муниципального района Московской области на постоянной основе; выдвинут политической партией «Политическая партия «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЖИРИНОВСКИЙ Владимир Вольфович
1946 года рождения; место жительства — город Москва; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, депутат, руководитель фракции политической партии ЛДПР — Либерально-демократической партии России; выдвинут политической партией «Политическая партия ЛДПР — Либерально-демократическая партия России»; член политической партии «Политическая партия ЛДПР — Либерально-демократическая партия России»; Руководитель Высшего Совета партии, Председатель партии

ПУТИН Владимир Владимирович
1952 года рождения; место жительства — город Москва; Президент Российской Федерации; самовыдвижение

СОБЧАК Ксения Анатольевна
1981 года рождения; место жительства — город Москва; общество с ограниченной ответственностью «Телеканал «Дождь»; ведущий программы в Службе информационного вещания Редакции; выдвинута политической партией «Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива», член политической партии «Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива», член Политического Совета партии

СУРАЙКИН Максим Александрович
1978 года рождения; место жительства — город Москва; политическая партия «Политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ», Председатель Центрального Комитета; выдвинут политической партией «Политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ», член политической партии «Политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ», Председатель Центрального Комитета партии

ТИТОВ Борис Юрьевич
1960 года рождения; место жительства — город Москва; Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей; выдвинут политической партией «Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ РОСТА»; член политической партии «Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ РОСТА», Председатель партии

ЯВЛИНСКИЙ Григорий Алексеевич
1952 года рождения; место жительства — город Москва; политическая партия «Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»; Председатель Федерального Политического комитета; выдвинут политической партией «Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»; член политической партии «Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», Председатель Федерального Политического комитета партии

писывающие всё на камеры? С каждым годом ведь их становится всё больше и больше. И самое что скверно — молодых много. Молоко на губах не обсохло, а туда же, учат нас соблюдать законы. А ведь главного не видят, не понимают: когда на кону будущее страны, о законах надо на время забыть. Вот победим, тогда и вспомним про законы. И про всё остальное.

И неважно, что Путин на коне при любом раскладе. Да, была бы явка пониже, да и выезд в финале не такой триумфальный, но зато никаких сомнений в легитимности и неприятного осадка. Правда, наверху вопрос неприятный возникнуть бы мог: зачем нам так много чиновников, если страна и без них выбирает нужный путь?

Самое смешное, на этот раз вполне можно было вообще обойтись без всяких каруселей, вбросов, мордобоя наблюдателей и прочего выборного криминала. Ведь наверху всё так красиво придумали с открепительными талонами. Сформировал группы «по интересам»: родители учащихся, родители дошколят, студенты и т.д. — и веди эти стройные колонны к урнам, согласно заранее составленным спискам.

Скорее всего, это уже учителя, из числа проверенных бойцов избирательных битв, перестарались. Ход мыслей понятен:

— Придумали хорошо, но можно ведь и лучше? Должны же мы на деле показывать своим ученикам, как это не просто — быть настоящим гражданином, настоящим патриотом, человеком с активной жизненной позицией. И не за деньги (какие там зарплаты у нас), а за чистую идею, что особенно ценно. Одно обидно, не все учителя это понимают. Откровенно халтурят и выпускают явно бракованную продукцию — людей без совести и чести, из которых потом и формируется «пятая колонна». Откуда, к примеру, берутся эти наблюдатели, задающие провокационные вопросы, подглядывающие через плечо, за-

Андрей Меламедов

Как быстро порой ломаются стереотипы. Ещё год назад каждый второй житель республики был готовым политическим обозревателем, прекрасно осведомлённым о том, что происходит на площади. В любой компании вам могли на пальцах объяснить, почему министром стал именно этот человек, и в какую сумму ему обошлось назначение. При желании могли организовать обзорную экскурсию по генеалогической роще, выросшей на унавоженной почве дагестанской власти, попутно рассказывая, как причудливо переплетаются ветви известных родов, превращая правительство и его бюджетные филиалы в семейную тусовку.

Непонятный пришелец

Васильев институт «домашней аналитики» поломал сразу, обозначив абсолютно непривычные для нас правила игры. К примеру, в конце ноября в ходе рабочего совещания он похвалил мэра Махачкалы Мусу Мусаева, сообщив, что люди увидели положительные изменения в городе. «Это общее достижение, — заметил глава республики. — С другой стороны, надо понимать, что люди это увидели, им перемены понравились. И вам, как я понимаю, понравилось наводить порядок в городе. В следующем году эту работу надо продолжать, не снижая темпы, делая выводы из того, что не получилось».

Мэрия города сразу же разместила эти оптимистичные цитаты на своём сайте, а республиканские и федеральные СМИ поспешили сообщить о том, что Мусаев получил индульгенцию от врио и, скорее всего, сохранит свою должность. Чуть позже Васильев похвалил Гамидова, спровоцировав множество комментариев на тему: «серьёзных зачисток не будет».

Не вызывает сомнений, что к этому времени Васильев абсолютно точно знал, что и Мусаев, и Гамидов вскоре станут фигурантами уголовных дел. Больше того, очевидно, что именно он дал отмашку «процессу очищения». И как тут заниматься политическим

анализом, когда высказывания Васильева и политика, которую он последовательно реализует в Дагестане, — «две большие разницы».

Некоторые аналитики считают, что всё объясняется полицейским прошлым. «Он типичный силовик, угрозами раньше времени не разбрасывается. Наоборот, стремится максимально расслабить противника, чтобы тот не начал паниковать и делать резких движений. Зато потом отрывается по полной».

Через несколько дней после ареста Мусаева Васильев говорил о мэре совсем в другой тональности: «Хаотичная застройка, несоблюдение градостроительных и санитарных норм приводят к коллапсу... Это очень хорошо понимают наши люди — образованные и грамотные. Всё это их напрямую касается, потому что нередко подвергает жизнь опасности и вызывает не только обеспокоенность и недовольство, но и очень критичную оценку власти, заслуженно».

Получается, что делать какие-либо выводы из публичных заявлений нового главы бессмысленно. Единственная возможность понять, как будет развиваться ситуация в республике, связана с анализом случившихся и ожидаемых назначений, а также задач, которые предстоит решить Васильеву и его команде в ближайшие месяцы.

Кадровая заминка

До первых кадровых назначений Васильева его работа (надо сказать, достаточно тихая и незаметная) никаких нареканий в республике не вызывала. Даже первая «ласточка» — прокурор Денис Попов — был воспринят достаточно лояльно. В конце концов — это креатура Генерального прокурора РФ, который захотел прислать в Дагестан очередного варяга. Опыт не первый и, скорее всего, не последний, поэтому копий по этому поводу не ломали.

Другое дело Артём Здунов, чьё назначение вызвало в Дагестане целую серию протестных акций. Сразу после его представления в СМИ и социальных сетях случился настоящий социальный шторм. Депутатов НС призывали голосовать против варяга, ссылаясь на пограние национальной гордости, на то, что чужак не должен командовать в республике, где имеются свои достойные кадры. На этом фоне поползли слухи, что депутаты готовятся прокатить назначенца, защищая честь и достоинство всех жителей республики.

Но сенсации не случилось, депутаты предпочли с властью не ссориться, и кан-

дидатуру Здунова одобрили. Вскоре после этого, встречаясь с представителями партий, Васильев показал, что лояльность депутатов оценил вполне. Комментируя вопрос о необходимости роспуска НС, он сказал: «А почему вы недовольны Народным собранием? А вы знаете, что без него, без Хизри Исаевича я не смогу работать. Какие претензии к нашему Народному собранию? Я предложил прокурора — Народное собрание его поддержало. Я предложил председателя правительства — послушали, по фракциям провели, утвердили. Какие вопросы?».

Между тем протестная волна в СМИ и соцсетях показала Васильеву, что дальнейшие попытки привлечь в правительство варягов неизбежно выльются в противостояние, которое будет усердно подогреваться и финансироваться со стороны тех, кого сегодня отлучили от власти и отодвинули от кормушки. Очевидно, посчитав, что накануне выборов такую ситуацию допускать никак нельзя, Васильев от планов дальнейшего привлечения варягов отказался. Окончательно или всё же это маневр, мы скоро увидим.

Несколько слов о Здунове и Попове. Оба из резервного списка президента России. Оба на пике карьеры. Первый, судя по сообщениям СМИ, рассматривается чуть ли не как кандидат на должность президента Татарстана. Озвучивались также предположения, что после успешного завершения дагестанской командировки ему будет предложена солидная должность в федеральных структурах. Блестящие карьерные перспективы и у Попова, которому прочат должность заместителя генпрокурора России.

Ясно, что такие люди взятку брать не будут и в клановую систему ни при каких обстоятельствах не встроятся. Кроме того, у Здунова очень серьёзные (на уровне Медведева) связи в Москве, а также огромный опыт привлечения инвесторов на инновационные площадки, что, безусловно, поможет ему в работе. В активе Попова — посадка

бывшего главы региона и разгром ОПГ, аффилированной с губернатором. Так что логика этих назначений вполне понятна и объяснима.

После назначения Здунова и Попова дагестанский еженедельник «Новое дело» предположил, что «в первую очередь Попов озаботится проблемами застройки Махачкалы и «шалостями» с земельными участками, имеющими место в Дагестане. Кроме того, он по максимуму задействует сотрудников прокуратуры в программе ликвидации энергетических долгов... Здунов, в свою очередь, будет контролировать расходование бюджетных денег на всех уровнях. Для этого, как сообщил Васильев, будут использоваться наработки, успешно зарекомендовавшие себя в Татарстане. «Татарстан, — сказал он, — контролирует свой бюджет так, что нам у них учиться. Они завели около 100 показателей, которые постоянно контролируют, как расходуется бюджет. Нам этого так не хватает. На бюджет можно сделать лучшее для народа, при этом убрать условия для соблазна для чиновников, власти». Естественно, для переноса этого опыта на дагестанскую почву Здунов подходит идеально».

Если предположить, что сам Васильев в Дагестане останется ненадолго (Путин, в частности, обозначил окончание его «командировки» в сентябре), можно предположить: он выстраивает свою кадровую политику так, чтобы после его отъезда в республике осталась надёжная и работоспособная команда профессионалов.

Логичными выглядят также и остальные назначения. Два первых вице-преьера — Анатолий Карибов и Рамазан Алиев, ни в каких коррупционных скандалах не засветились, работать могут, и поэтому сегодня оказались востребованы. Безупречная репутация Уммупазиль Омаровой также служит гарантией «безоткатной» работы в министерстве образования и науки, через которое проходит основная масса бюджетных денег.

Блестящим менеджером зарекомендовал себя новый министр экономики Осман Хасбулатов, сумевший создать одну из лучших в стране систем МФЦ. При этом деловые качества нового министра позволили Васильеву

закрывать глаза на «минус» в его биографии (он считается представителем мекегинского клана, до последнего времени возглавляемого Абдусамадом Гамидовым).

Все эти назначения в республике восприняли с пониманием и одобрением, никакой критики в адрес нового главы не прозвучало (небольшие вбросы по поводу родственных связей Хасбулатова и Гамидова не в счёт).

Зато включение в состав нового правительства Екатерины Толстиковой (вице-премьер — министр по земельным и имущественным отношениям РД) стало причиной нового скандала. В принципе, всё ожидаемо — Толстикова, как показала её работа в Минобрнауке, человек конфликтный; работники министерства, в частности, говорили о её неумении (или нежелании) выстраивать отношения с коллегами.

Так, многие директора школ жаловались на совещания, которые она проводила до 2–3 часов ночи, на её резкие оценки работы

о начале большой зачистки министерства, пригрозив недовольным расформированием. Минимущество уже долгие годы является одним из самых проблемных министерств Дагестана. С его работой связано множество нарушений в земельной сфере, которые порождают огромное количество конфликтов

отдельных учебных заведений (несколько недель в СМИ и социальных сетях публиковались материалы, рассказывающие о конфликте Толстиковой с коллективом педуниверситета). На фоне активных «вбросов» практически незамеченной оставалась её работа — во многом благодаря её вмешательству были построены две проблемные школы в Магарамкентском районе; кроме того, говорят о том, что она существенно оптимизировала работу министерства образования.

Работа Толстиковой в минимуществе началась с конфликта по поводу молельной комнаты, который перерос в системное противостояние министра с подчинёнными. Градус конфликта достиг такого уровня, что в него пришлось вмешаться Васильеву. Он полностью поддержал Толстикovu, объявившую

самого разного уровня — вплоть до международных. Ясно, что без наведения порядка здесь нельзя говорить ни о нормальном развитии АПК, ни о возвращении земли реальным хозяевам (сегодня постперестроечные латифундисты сдают эту землю в аренду, зарабатывая на этом миллионы). Удастся Толстиковой заметно продвинуться в решении этих задач — республика получит новый импульс развития, а Васильев ещё больше укрепит свой статус грамотного руководителя. Сам он понимает это прекрасно. Не зря на встрече с руководителем агентства по делам национальностей Игорем Бариновым врио отметил, что одной из главных задач является возвращение земли народу. «Этот вечный лозунг, — подчеркнул он, — мы должны обеспечивать справедливо, открыто, прозрачно».

Остальные члены правительства пока не назначены. Очевидно, сегодня по этому поводу идут активные переговоры Васильева и Здунова, который в первую очередь заинтересован в формировании действительно рабочей команды (об уровне его требований можно судить по репортажам с заседания правительства, в ходе которых новый премьер активно демонстрирует недовольство уровнем профессионализма старого кабинета).

Скорее всего, пауза эта — до выборов, являющихся на сегодняшний день приоритетной задачей для всех чиновников республики. Когда же, наконец, состав нового правительства, а также имя нового мэра Махачкалы будут озвучены, можно будет, во-первых, оценить потенциал новой команды, а во-вторых, понять, под выполнение каких именно задач она «заточена».

Новые правила игры

Понятно, что главная задача, стоящая сегодня перед Васильевым и Здуновым, заключается в переводе экономики на правовые рельсы, выведение её из тени. Собственно, в своё время именно с этого начинали и Магомедсалам Магомедов, и Муху Алиев, и Рамазан Абдулатипов. Но если предшественники Васильева начинали, как правило, с рыноч-

логовая отдача минимальная — миллионов сорок максимум. Заправки же могут дать прибавку в треть миллиарда рублей (сами владельцы заправочных станций оценили свой потенциал в 350 миллионов). Примерно так же (на уровне 400 миллионов рублей) налогоёмкость АЗС оценивают первый вице-премьер РД Рамазан Алиев и главный налоговый Дагестана Умахан Джабраилов (разница в 50 млн рублей не критична — она возникла потому, что чиновники переоценили потенциал сельских заправок).

ных торговцев, которые спешно ставились на учёт, новый глава озаботился заправочными станциями.

Разница принципиальная. Конечно, торговцы считаются сотнями, а то и тысячами, и в отчётах смотрятся весьма достойно, но вот на-

И ещё один нюанс. Когда предшественники Васильева громкогласно обещали «теневикам» амнистию и защиту от проверяющих в обмен на налоги, предприниматели

им не поверили. Когда же Васильев в ходе встречи с владельцами заправок еле слышно, практически шёпотом, произнёс завершающую фразу: «Кто не спрятался, я не виноват», никто из присутствующих даже не подумал улыбнуться. Собственно, прозвучал предельно жёсткий ультиматум. Либо — белая бухгалтерия и резкое увеличение налоговых платежей, либо — тотальные проверки, жёсткий прессинг и перспектива полной потери бизнеса.

Следом за запращиками играть по новым правилам предложили владельцам банкетных залов и ресторанов, а также строителям. Если налогообъёмность банкетно-ресторанного бизнеса выявить достаточно трудно, то дополнительные «строительные» налоги считаются элементарно. В 2017 году объём строительных работ в республике оценили в 8,8 млрд рублей. Удельный вес уплаченных налогов при этом составил всего 1,3% от объёмов. Если ориентироваться на общероссийский уровень (10,9%), а именно так обозначил задачу Васильев, необходимо дополнительно собрать налогов в размере 9,6%. Задача крайне трудная с учётом коррупционной нагрузки на отрасль. Но даже

если выбить половину, бюджет пополнится 440 миллионами рублей.

Успех этой работы, в сферу которой предполагается ввести весь «серый» бизнес республики, зависит только от того, насколько корректно государство выполнит свои обязательства по защите новых налогоплательщиков от многочисленных проверяющих, привыкших годами кормиться за счёт предпринимателей, работающих в тени.

Если у Васильева всё «срастётся», в масштабах республики ожидаемая налоговая прибавка может составить от 3 до 4 млрд рублей. Иными словами, собственные сборы увеличатся на 10–13%.

Очевидно, что для увеличения объёма собственных налогов и сборов максимально будет задействован потенциал Здунова, который, курируя территории опережающего социально-экономического развития в Татарстане, смог привлечь в них десятки миллиардов рублей (только в ТОСЭР в Набережных Челнах Здунов привлёк инвестиции на уровне 20 млрд рублей). В Дагестане первая территория опережающего развития появилась в Каспийске. На подходе вторая — в Дагестанских Огнях. Можно предположить, что уже скоро в республику придут инвесторы из Татарстана, верящие Здунову и знающие, что с ним можно работать.

Есть все признаки того, что параллельно с расчисткой и «отбеливанием» Здунов активно ищет масштабный проект, который существенно увеличит отдачу промышленного сектора, главного источника налоговых поступлений. Очень важный момент. За последние десять лет в Дагестан приезжало множество инвесторов с очень интересными предложениями. Подписывались протоколы о намерениях, но дальше этого дело обычно не шло. Причина банальная:

если в других регионах разговор инвестора с чиновником начинался с вопроса: «Чем я могу вам помочь?», у нас обычно интересовались: «А что я с этого буду иметь?».

Так что борьба с «серым» сектором экономики, помимо всего прочего — отчётливый посыл чиновникам, зачистка территории под нормальный цивилизованный бизнес, который должен чувствовать себя в республике максимально безопасно.

Наида Хаспулатова

ДИАСПОРЫ

Веками дагестанцы покидали родной край. Сейчас это приняло характер почти бегства: родственники, живущие за пределами своей малой родины, есть в каждой семье. Причин много — отсутствие работы, перспектив, коррупция... Мы, к сожалению, официально самый бедный регион России. Но, как ни странно, немало и тех, кто покинул свою родину, чтобы жить в Дагестане. У каждого сложная судьба — нелёгкий выбор их самих или их предков, но жить они и их семьи хотят именно здесь. Хотя и не забывают своих корней.

Общественный совет при Доме дружбы — это 16 национальных общин и национально-культурных автономий. Все они — представители разных наций, в том числе и тех, чьи государства враждуют друг с другом. Здесь — различные направления всех мировых религий. Понятно, что все участники совета — социально активные люди, которые хотят не просто жить в Дагестане, но и сохранить кусочки своей родины, не растворяясь без следа, как чаще всего и бывает.

Что же привело их в Дагестан?

Храх-Уба

Аллахверди Мамедов — председатель общественного совета жителей селения Храх-Уба. Это исконно дагестанское село, жители его были гражданами России, участвовали во всех российских выборах, обучение в храхубинской школе велось на русском языке. Но в 2010 году сельчане Храх-Уба и соседнего

Урьян-Уба оказались перед жёстким выбором: либо они становятся гражданами Азербайджана, либо немедленно уезжают. Урьян-Уба предпочла сменить гражданство, чтобы не потерять дома и столетиями возделываемые сады. Храхубинцы выбрали Россию.

«Ещё 300 лет назад богатый житель селения Храх Ахтынского района купил 210 гекта-

ров, назвали эти земли Храх-Уба. И мы всегда были частью Дагестана. Я родился в 1962 году, в свидетельстве о рождении записано: “Храх-Уба Ахтынского района”. У нас были огромные фундуковые сады, мы хорошо зарабатывали. Но в 2010-м Дмитрий Медведев подарил наше село Азербайджану. Столько митингов было... но никто не помог.

Храхубинцы до сих пор ни копейки не получили, хотя нам обещали, что Россия полностью компенсирует потерянные дома и сады. Сначала в Магарамкентском районе для нас выделили 86 гектаров, а сейчас говорят: 15 соток на семью. Причём в ущелье. На этой территории сейчас никто не живёт. Всего храхубинцев 138 семей, 378 человек. В 2011 году нам обещали 1 миллиард 155 миллионов, сейчас обещают только 210 миллионов. Это тянется бесконечно.

Спросили: вам дома построить или деньгами отдать? Мы решили — свой дом надёжней. В 2017 году пообещали, что на 30 семей построят дома и попросили составить список, но строительство даже не началось. Сейчас предлагают сертификаты, но... Нужно квартиру покупать только с зелёной, при этом попадать в квадратуру. 27 450 за квадратный метр дают, а таких цен в Махачкале уже нет, готовая квартира стоит 40–65 тысяч. Мы и на это согласились, но уже март, а сертификатов до сих пор нет.

Мы хотим оставаться в хороших отношениях с другими. Когда тебя из родного дома выгоняют, это больно. Здесь, в доме Дружбы, это понимают. Надеемся, поймут и в правительстве».

Сирия

Доктор Хака Абдуразак в 1990–1996 гг.

учился в Дагестанской медицинской академии. Влюбился в красивую однокурсницу лезгинку. Влюблённых поддерживали родственники с обеих сторон, они поженились и вместе вернулись в Си-

рию, в Алеппо.

«До войны Сирия жила шикарно, всем было хорошо: доходы нормальные, расходы – копеечные, каждый гражданин очень быстро мог купить квартиру, машину. Никто не мешал никому ходить в мечеть или церковь, не мешал ни в бизнесе, ни в госслужбе. Каждый гражданин имел свои права. В крупных городах сунниты в основном жили, и со всеми были очень хорошие отношения. Моя родня хорошо жену приняла, а она легко приняла наши традиции, тем более, они почти как дагестанские. Я работал в государственной клинике, была и собственная, с очень хорошим оборудованием. Всё там и бросил».

Пять лет назад, когда началась война, Абдуразак с семьёй решил переехать в Дагестан. В первую очередь, чтобы защитить своих детей. Здесь — родственники, друзья по учёбе. Супруга Абдуразака — Мадина, оставалась гражданкой России, поэтому семья быстро получила гражданство.

Но оказалось, что семья Абдуразака не единственная, — сирийцев в Дагестане живёт немало. Они решили объединиться.

«Около сотни сирийцев сейчас в Дагестане. Кто-то остался после учёбы, у кого-то жена отсюда. Мы встречаемся. Праздники не отмечаем — война, там люди страдают. Бывает, нужно помочь, объяснить, как получить визу или вид на жительство. Легче, когда кто-то в семье россиянин, но статус беженцев получили и чисто сирийские семьи. Нет таких, чтобы просто приехали в Дагестан, не зная ничего, без связей. У многих предки отсюда, которые эмигрировали во время Кавказской войны. Мы хотим, чтобы люди знали, как давно дружат Сирия и Дагестан.

Сейчас я работаю врачом в частной стоматологической клинике в Махачкале. Зубы у да-

гестанцев хуже, чем у сирийцев, намного раньше выпадают. Не знаю, почему. То ли вода, то ли питание.

Когда война закончится, мы поедём, проведем родственников, посмотрим на Алеппо и вернёмся в Дагестан. Для детей Дагестан уже родина, они не хотят уезжать. Дети каждое лето приезжали к бабушке и дедушке, сын и дочь знают арабский, лезгинский, русский и английский языки».

Иудеи

Валерий Дибияев — председатель иудейской религиозной общины Дагестана. До этого общину 40 лет возглавлял его отец — Шими Миирович, ветеран войны, ушедший на фронт добровольцем в 16 лет. А после войны всю жизнь посвятил возрождению религиозной жизни евреев Дагестана, что было в те годы небезопасно. Большинство евреев Дагестана уехали в первые же годы — как открылись границы.

«Многие уехали, но не все. В Махачкале до революции было 7 синагог и воскресная школа, сейчас осталась одна синагога и живёт чуть больше тысячи иудеев. В Буйнакске — синагога постройки 1862 года, но мало прихожан, зато в Дербенте построили новую.

В 90-е я прожил три месяца в США, но не захотел там остаться, хотя была возможность. Пробовал жить в Израиле, но вернулся. Я дагестанец в шестом поколении, здесь моя родина. Многие хотят вернуться — люди родились здесь, знают стиль жизни Дагестана.

Я в Махачкале живу. Бизнес небольшой, четверо детей. А сын и племянник работают в дагестанских министерствах».

Хотя все религии в нашей стране сейчас всё более популярны, сохранять традиции и язык всё сложнее.

«У нас есть воскресная школа, синагога, мы вместе проводим шабат. Но всё равно мы постепенно утрачиваем свой язык. Тем более что у горских евреев — это один из диалектов фарси, и молодёжь уже не видит смысла его учить. Впрочем, это сейчас общая проблема всех малых народов, которую мы часто обсуждаем на Совете.

Сейчас работаем над интересным проектом. Вместе со спонсором — нашим земляком, осевшим в США, — делаем геолокацию всех памятников на еврейском кладбище в Махачкале. Затем сделаем такую же геолокацию в Буйнакске, там 600–700 памятников. В Хасавюрте иудейское кладбище мы, к сожалению, потеряли — на его месте теперь школа».

Армения

Встреча с Анжелой Мартиросовой была неожиданной и приятной. Анжела Сергеевна много лет возглавляла пресс-службу дагестанского МВД. Тем интереснее было встретить её на заседании совета.

Армяне в Дагестане появились очень давно. В городах до революции в основном жили русские, евреи и армяне. В последние годы многие уехали в Москву, за границу, кто-то уезжать не захотел.

«Мои внуки — пятое поколение армян, живущих в Махачкале. Дедушка с бабушкой приехали сюда в 1926 году из Карабаха, у них уже было четверо детей; они рассчитывали купить дом, а денег не хватало. Тогда соседи-кумыки сказали: “Мы дадим денег, когда сможешь — отдашь”. Бабушка до конца жизни была благодарна этим людям.

Армянский культурный центр появился семь лет назад. Главным организатором стал известный теннисист Константин Аванесов. Хотели объединить армянскую молодёжь, и это получилось. Мой зять — один из организаторов центра Константин Абарьянц, увидел мою дочь на одном из этих собраний... Много таких семей создано. Приходят все поколения. Мы на воскресниках убирали армянское кладбище — так обнаружили старинные армянские надгробия. Были поездки в армянское село Нюнди в Дербентском районе, приезжал священник, крестили детей. Отмечали столетие этой ужасной резни 1915 года, в прошлом году вместе отпраздновали армянскую пасху.

К нам приходят не только армяне. Известный комментатор Рамазан Рабаданов говорит на армянском лучше меня — он, оказывается, учился в Ереване. Кому-то просто нравится армянская музыка.

В совете обмениваемся информацией, ищем новые возможности. Например, у нас была воскресная школа, где обучали армянскому языку, но пришлось её закрыть, так как не смогли найти учителей литературного армянского. Сейчас думаем, как получить грант, чтобы пригласить преподавателя из Армении.

В Дагестане сейчас живут в основном карабахцы, и мы все говорим на карабахском диалекте. Я ездила в Карабах, это потрясающе красивое место, вкуснейшая вода. Мой папа мечтал, когда уйдёт на покой, жить там. Но он рано умер, а моя родина здесь».

Грузинские аварцы (Цор)

Бадрудин Ибрагимов — председатель Дагестанской региональной общественной организации «Переселенцы». Год назад он был единогласно избран первым главой общественного совета «Дружба». В первую очередь, за свою активность и неравнодушие к проблемам тех, кто хочет жить в Дагестане и нуждается в помощи.

Сам Бадрудин родился и вырос в Тиви — аварском селении в Грузии. Аварцы жили на этой земле как минимум несколько веков. Но после распада Советского Союза независимая Грузия решила от них избавиться. Бадрудин с семьёй перебрался в Махачкалу, открыл здесь кафе «Кахетия» и пекарню. Но продолжает чувствовать себя тивинцем.

«Красивое село у нас. Мы по происхождению из Тляртинского района, и сначала в Цоре были наши кутаны, постепенно часть людей переселилась сюда насовсем. Жили скотоводством и садами. А потом распад. В Грузии не смогли жить: сначала национальные причины, потом — экономические... Сейчас там многие жалуются. В России тоже нелегко, но мой пекарь Бесо, когда возвращается оттуда, за голову хватается. Когда я был ребёнком, Тиви было большим селом — 700 хозяйств, сейчас всего 120 осталось, много заброшенных домов.

Грузинские власти запретили мне въезд в страну — из-за того, что я организовал День

села, поднимал вопрос о строительстве мечети, не дал захватить наши пастбища. А я скучаю по Тиви, у меня заветное желание побывать там, поэтому подал в суд, чтобы отменили запрет.

Нет, Шеварднадзе, когда пришёл к власти, говорил, что никого не выгоняет, но тивинцы всё равно потихоньку переселились — в основном на север Махачкалы. Мы, «Переселенцы» — мы не потеряли надежду обосноваться в одном месте. В 90-х годах было постановление Правительства РФ об оказании помощи переселенцам-аварцам из Грузии, предлагали Южно-Сухокумск, заведомо зная, что люди туда не поедут.

Был статус вынужденных переселенцев, но государство так никак и не помогло.

Поэтому я и стараюсь помочь людям. Часто приходилось сталкиваться с миграционной службой, поэтому вошёл в её общественный совет диаспор — так проще содействовать в получении гражданства. Увидев нашу активность, Дом Дружбы в прошлом году решил создать общественный совет, меня выбрали председателем.

Сейчас в совете 16 диаспор, и он постоянно пополняется. Аварцы-переселенцы, лезгины-переселенцы, грузинская, азербайджанская, армянская, узбекская, сирийская, иранская, иудейская, киргизская, джаро-белоканская диаспоры. Ещё хотим принять афганскую, казахскую и туркменскую. У нас очень тёплые взаимоотношения, несмотря на разные религии и национальности; хотим ввести в состав совета и священнослужителей.

Мы и по школам ходим. Дети спрашивают: как вы живёте, какие адаты? Каждая диаспора

хочет создать свою школу, чтобы их дети знали свой язык, изучали обряды и культуру.

Мы хотим расположиться в одном месте. Сейчас у нас нет своих помещений. В Казани, например, в Доме Дружбы 216 диаспор, и даже малые имеют свой офис. Надо же не только собраться и поговорить, но и подрастающему поколению передать язык, культуру, религию. Необходима государственная поддержка; иногда нам дают гранты, но редко».

Да, Бадрудин Ибрагимов не очень доволен прохладным отношением российской и дагестанской власти к своим землякам, но не жалеет, что приехал в Дагестан:

— Здесь лучше. Нам в селе было хорошо, легче, чем здесь, но и только. А здесь, куда бы я ни пошёл, всюду чувствую себя как дома.

* * *

У всех этих людей или их предков была сложная судьба, но в итоге они поняли, что хотят жить именно в Дагестане. Да, здесь нелегко всем. Почему и что с этим делать — тема не этой статьи. Но, видимо, есть в нашем крае то, что нравится не только нам, коренным жителям. Наши горы, море, наша стойкость и предприимчивость, лёгкость на подъём и при этом культ семьи, равнодушие к окружающим, и любовь к красивой жизни, ради которой готовы десятилетиями трудиться в поте лица, — может, всё это вместе и сделало для них Дагестан новой Родиной. И местом, где они хотят остаться навсегда.

Моё самое главное журналистское упущение — это то, что я не поговорила с Манабой. Так и не решилась подойти и попроситься на интервью, потому что для меня она всегда была такая величина, такая легенда, что, когда на очередной выставке я оказывалась рядом с ней, вся профессиональная решительность моментально улетучивалась, уступая место какому-то благоговейному трепету.

И так вышло, что только после смерти Манабы я попала в её дом. И даже как-то почти регулярно стала там бывать. И о чём бы мы ни говорили с её дочерью Лейлой, в итоге мы всегда говорим о Манабе.

«МАМИНОЙ НАСТЫРНОСТИ ВО МНЕ НЕТ...»

Это интервью должно было быть посвящено творчеству Лейлы Изабакаровой и её персональной выставке «Фьюжен», которая состоялась в культурно-выставочном центре Национального музея им. А. Тахо-Годи. Но сразу, как я вошла в этот дом и снова увидела знаменитый портрет Манабы в кубачинском наряде кисти Кетеван Магалашвили, стало ясно, что и в этот раз разговор в основном пойдёт о Манабе. Я почти не прерывала Лейлу вопросами, и получившийся текст — это большей частью монолог, записанный за столом в гостиной Манабы, в которой всё осталось так, как было при ней:

— Я помню, как этот портрет появился в нашей тбилисской квартире. Мне было три с половиной года. Двое мужчин в рабочей оде-

жде внесли картину, аккуратно раскрыли, повесили — и я увидела маму, мамыны руки. Я и сейчас, когда смотрю на неё, вижу, прежде всего, руки — это действительно ЕЁ руки. А тогда мама, заметив, какое впечатление картина произвела на меня, рассказала, что вот есть такая известная художница Кетеван, она работает в своей мастерской, куда к ней часто приходят гости. Они разговаривают, а она рисует. После её рассказа я взяла бумагу и карандаши и изобразила дом художницы с картинами на стене, её саму за работой, гостей за столом. Я подписала рисунок — да, я уже умела писать тогда (улыбается), а мама вставила его в рамку под стекло, и он с тех пор стоял у нас среди книжных полок. Сейчас мне и самой не верится, что я смогла так

подробно всё нарисовать в неполные четыре года. Наверное, мама тогда заметила во мне какие-то способности и стала их поощрять.

Например, она брала меня с собой, когда ходила к Ладо Гудиашвили, к Елене Ахвледиа-

ни (считала их своими учителями, о чём говорила и писала до конца жизни), в мастерские других художников, на выставки. У Ахвледиа-ни был настоящий салон — там играли Рихтер и Ростропович, читали стихи Ахмадулина,

Евтушенко; к Ладо Гудиашвили водили официальные делегации, а я просто приходила к ним с мамой. Однажды, уже в третьем классе, мне во Дворце пионеров нужно было написать доклад о Гудиашвили для детской конференции. И вот мама привела меня, а он не очень хорошо себя чувствовал (ему ведь тогда уже много лет было), поэтому полулежал на диване, шторы задернуты — такой полумрак в комнате. Я сажусь на стул рядом, открываю свою тетрадку — я же готовилась! — и задаю первый вопрос: «В каком году вы родились?» (Смеётся). Но он отнёсся к интервью очень серьёзно и долго отвечал на мои детские вопросы. У Гудиашвили на даче был чудесный сад, помню, как однажды он срезал три розы, дал мне и сказал: «Придёшь домой — поставь в вазу и нарисуй».

Это были потрясающие люди, гениальные художники! Конечно, общение с ними повлияло на меня. И в художественной школе у нас были очень сильные педагоги, помимо рисунка и живописи, я там занималась скульптурой, гобеленами.

Нет, родители со мной не занимались, ну, чтобы вот именно регулярные занятия велись, — нет. Всё как бы между делом, само собой. Но в классе 8–9-м мама учила меня гравировать. Она считала, что уметь гравировать и паять — самое важное для ювелира, тогда и остальные техники удастся освоить. Хотя о том, что я стану ювелиром не говорилось, это было как бы для общего художественного развития. Она сама умела всё! Знала все техники, все этапы обработки металла. Она очень ценила именно рукотворность и принципиально не использовала технические приборы, даже бормашину — пользовалась ручной дрелью, доставшейся ей от отца.

И в жизни Манаба умела многое. Например, шила мужские костюмы: была правой рукой лучшего портного в Тбилиси в 50-е годы. А ещё окончила акушерские курсы, сама чинила обувь. Во время войны они с сестрой шили тапочки из солдатских шинелей и везли их продавать в Кахетию. Ну, как продавать: меняли на муку, масло и другие продукты. Сесть на поезд было невозможно — страшная давка, мест не хватало. Так Манаба умудрялась влезть в окно на ходу, когда

поезд только подъезжал к станции. Когда он останавливался, и толпа вваливалась в вагон — она уже сидела, заняв места.

Она кормила всю семью и помогала соседям, особенно во время войны. Манаба вообще очень боевая была с детства, бесстрашная, очень сильная физически, хотя внешне не скажешь. С мальчишками дралась, в Куру (река в Тбилиси, известная своим бурным течением) прыгала с моста и выплывала под своим балконом — родные были в ужасе. А свистела как! — как Соловей-разбойник! (Смеётся). Безделья, праздности не терпела, считала, что все должны быть заняты делом. Она всегда очень много работала. В артели «Мхатвари» в 1953 году кроме неё трудилось 16 мужчин, а она зарабатывала больше всех! И всегда старалась учиться чему-то новому. Все кубачинцы, кто приезжал в Тбилиси, останавливались у нас, и у каждого мастера она чему-то училась, не оставляла в покое, пока ей не покажут то, что ей было нужно.

Детьми и хозяйством занималась бабушка Нина — мамина мама. И она тоже дала мне

очень много. Каждое лето мы ездили с бабушкой в Кубачи, иногда задерживались там и в сентябре, опаздывая в школу. Для бабушки и для родителей было важно, чтобы мы с сестрой помнили о своих корнях. Поэтому мы именно жили в Кубачи, делая всё то же, что девочки нашего возраста. Да, каз (белое с золотым шитьём головное покрывало, которое носят только кубачинки) вышить могу и воду в мучале (кувшин специфической формы, используемый только в Кубачи) носить тоже. Там мы были дома, а не в гостях. Конечно, я кубачинка! Я хорошо знаю язык, наши традиции, историю, разбираюсь в тканях, старинной посуде — это всё от бабушки. Женщины моего поколения многого уже не знают, к сожалению. Я и Дагестан воспринимаю именно через Кубачи. Это видно даже по моим работам: если написано «Дагестан», то, скорее всего, там будут Кубачи!

Когда поступила в Академию художеств в Тбилиси, там была такая творческая атмосфера, довольно расслабленная. Иногда вместо занятий мы с друзьями гуляли по проспекту Руставели. Маме такое безделье не нравилось, и на третьем курсе она познакомилась со мной, и на третьем курсе она познакомилась со мной с Еленой Мачавариани, которая работала в Институте рукописей Академии наук Грузии (ныне — Национальный центр рукописей).

Елена Михайловна невероятный человек — очень чистый, искренний, влюблённый в своё дело. Под её руководством, а она была не только учёным-исследователем, но и каллиграфом, я стала делать копии средневековых грузинских миниатюр. Это был очень кропотливый труд, на один лист уходило больше месяца. Готовую работу принимала комиссия из десяти человек, которые под лупой разглядывали каждый сантиметр листа. За копии хорошо платили, но важнее была сама возможность прикоснуться к этим уникальным древним памятникам. Опыт работы над миниатюрами очень пригодился мне, когда я занялась эмальями.

Да, к эмальям я пришла не сразу — в Академии училась на отделении промышленного дизайна: занималась плакатами, графикой. Это сейчас все афиши, наружная реклама делаются на компьютере, а тогда мы всё отрисовывали вручную. Александр Сарамлидзе, преподававший у нас композицию, когда я делилась с ним своими идеями, говорил: «Лейла, мы не в литературном институте! Придумать можно всё, что угодно, ты эскизы принеси!».

Моим педагогом был и Александр Сарчимелидзе — известный плакатист, иллюстратор. «Свой» педагог, который тебя понимает, поддерживает и направляет — очень важно для художника. Именно Сарчимелидзе посоветовал мне работать с миниатюрными формами, заметив однажды, что во время разговора с ним я на автомате рисую какие-то орнаменты. То есть я думала, что от нечего делать рисую всякие завитушки и загогулины, а он разглядел в этом потенциал. С теплотой вспоминаю Роберта Кондахсазова — рецензента моей дипломной работы в Академии. Он занимался разными видами

дизайна, книжной графикой, сценографией, живописью.

А расписной эмали меня научил Алексей Максимов (автор живописных миниатюр на эмали, работает в жанре портрета, пейзажа и натюрморта. В 1992 году королева Елизавета II согласилась позировать русским художникам Максиму и Эфросу. Сеанс произвёл на королеву настолько благоприятное впечатление, что по её рекомендации на следующей неделе Максиму позировала принцесса Анна, а затем — королева-мать). Манаба познакомилась с ним на симпозиуме эмалиеров в Паланге и вызвала меня туда. Тогда собралось много художников, но мама решила, что мне нужен именно Максимов, и не ошиблась.

— **Манаба считалась с вашим мнением, советовалась с вами, как с художником? Хвалила ваши работы?**

— Да, безусловно, она ценила моё мнение. Иногда просила меня сделать эскиз или что-то закончить, а некоторые работы мы делали вместе. Насчёт того, чтобы хвалить... Конечно, она не говорила: «О-о-о Лейла, это отличная вещь!». Но есть несколько произведений, которые я сама считала неудачными, отбраковывала, а мама не дала мне этого сделать. Время показало, что она была права. А ещё у меня есть привычка через некоторое время набрасывать на вещь и переделывать, доделывать её. Мама меня за это ругала. Она считала, что «чистота», «зализанность» — не достоинство работы. Повторюсь, она ценила рукотворность: пусть неровно, грубовато — в этом-то и прелесть!

— **Что-то планируется в год 90-летия Манабы? Будут ли переизданы её книги, например? Она ведь замечательно писала о себе, о времени...**

— Не знаю, это ведь надо писать официальные письма, ходить, доказывать, пробивать. Я этого не умею, и Манаба не умела. Хотя переиздать её книгу «Узоры жизни» было бы здорово! А ещё есть её дневники. Она ведь вела их с 50-х годов! Особенно подробно описывала свои поездки — в Индию, в Стамбул, в Чехию. И Кубачи — там очень много про Кубачи! Это её научила Рене Шмерлинг (выдающийся грузинский искусствовед, один из основоположников истории

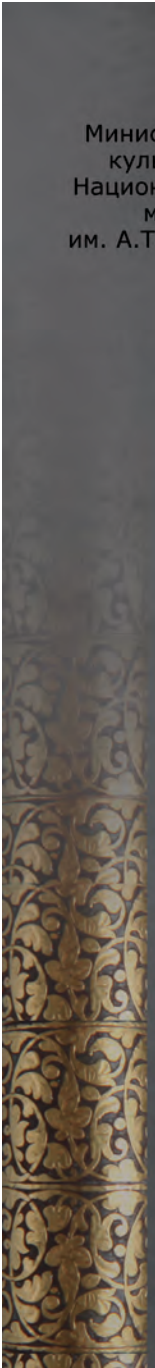
грузинского искусства), которую мама тоже считала своим учителем. Она говорила: «Манаба, записывай всё: как свадьбы играют, как дети рождаются, как хлеб пекут». Сама Рене Оскаровна пешком обошла всю Грузию, изучив — все! — памятники средневековой грузинской архитектуры. Мама очень ценила её мнение, давала редактировать свои записи. А книги Шмерлинг с дарственными надписями бережно хранила всю жизнь.

После переезда в Махачкалу, конечно, мама очень скучала по Тбилиси, рвалась туда. Ей нужно было работать, выставляться, общаться с коллегами, учениками, она не могла жить без этого! В Грузии маму очень любили, ценили её творчество. Приведу только один пример. Под патронатом главы православной церкви Грузии ежегодно проводится международный музыкальный фестиваль «От Пасхи до Вознесения», куда съезжаются лучшие исполнители со всего мира. У фестиваля, как и положено, есть эмблема. В 2006 году именно Манабе — мусульманке! — было доверено выполнить в эмали этот знак, чтобы вручать его ежегодно в качестве памятного приза. Зная, что у мамы после отъезда из Тбилиси нет мастерской (нашу тбилисскую квартиру мы продали, чтобы купить квартиру в Махачкале, когда переезжали в начале 2000-х) и понимая, что она не может не работать, Патриарх Илия II распорядился открыть для неё мастерскую при благотворительном фонде, который был основан по его инициативе. У самых известных тбилисских семей, самых ярких представителей творческой интеллигенции Грузии были её произведения. На выставку её памяти в 2013 году они пришли в её украшениях. Это было невероятно трогательно.

— **И всё-таки, Лейла, вы больше мамин или папин дочка?**

— Мама всегда говорила, что я папина! (Смеётся). У отца был лёгкий характер, он был весёлым человеком, любил поговорить, посидеть за накрытым столом, пошутить. Думаю, что, как всякий ребёнок, я взяла что-то от обоих родителей, но вот маминой настырности в работе и вообще в жизни во мне нет.

Беседовала Влада Бесараб

Несмотря на то, что в Дагестане едва ли не самое большое в стране количество ювелиров на душу населения (говорят, только в Махачкале их более двух тысяч), выставки авторского ювелирного искусства у нас случаются редко. Кто попал на выставку ювелира Лейлы Изабакаровой «Фьюжен» в Национальном музее им. Тахо-Годи, тому повезло.

FUSION. СМЕШАТЬ ПО ВКУСУ

Мне повезло вдвойне, потому что сама Лейла провела для меня экскурсию. Закружила, завьюжила, засыпала — информацией, воспоминаниями, образами, терминами, ассоциациями. Уходила в восхищении, в изумлении. Несла впечатления, боясь расплескать и торопясь выплеснуть. Так много красоты... Так много, что мало!

Фьюжен (англ. Fusion — «слияние», «сплав», «смешение») — стиль в дизайне, музыке или другом виде творчества, в основе которого лежит сочетание разных, часто диаметрально противоположных направлений («сочетание несочетаемого»), дающих вместе неожиданно прекрасный эффект. В качестве примера стиля фьюжен в музыке часто приводят творчество грузинской певицы Нино Катамадзе, которая сочетает элементы джаза, рока, этно- и поп-музыки, в результате чего получается совершенно уникальный, присутствующий только ей стиль — джаз-рок-этно-поп-фьюжн. И хоть я совсем не аудиал, и у меня в принципе нет наушников и музыки в телефоне, рассматривать выставку Изабакаровой мне хотелось именно под музыку Катамадзе. Потому что только глазами это рассмотреть и понять невозможно, и даже прикоснуться (в виде исключения Лейла разрешила) — мало, нужно задействовать какие-то иные, очень тонкие струны восприятия, а музыка как раз способствует тому, чтобы они настроились.

Эксперименты в стиле фьюжен не означают, что Нино не исполняет тот же джаз в чистом виде, — ещё как исполняет! Это я к тому, что и у Лейлы потребность экспериментировать — не самоцель: если нужно, она работает в одной технике и одном стиле. «Фьюжен» —

это не навсегда, это в первую очередь концепция выставки, объединившей в нескольких витринах лучшее, что было создано Лейлой Изабакаровой за последние два года. Представлена и ретроспекция, охватывающая 30 лет творческой жизни мастера, о которой будет сказано отдельно.

Выставку Лейла посвятила матери — выдающемуся художнику-ювелиру современности Манобе Магомедовой. Ей в этом году исполнилось бы 90 лет. На протяжении всей своей долгой творческой жизни Манаба — «кубачинка из Грузии», как она сама себя называла — занималась именно тем, что совмещала несовместимое, смешивала по своему вкусу стили, техники, приёмы, материалы. Безупречный вкус и совершенное чувство стиля — драгоценное наследство Лейлы. Что касается «наследства» материального, то, по словам художника, на создание новой части экспозиции, которая готовилась специально для этого проекта, её вдохновил рабочий стол Манабы. Точнее, содержимое его ящичков: детали старинных украшений, заготовки и незаконченные произведения, камни, бусины, экзотические раковины.

«Существовала давняя традиция: при постройке нового жилища древние камни не выбрасывались, а использовались в новой кладке. Это напоминает и бережное отношение Манабы Магомедовой к предметам старины, когда она вставляла осколки иранских тарелок в свои ювелирные украшения», — пишет искусствовед Патимат Гамзатова в статье к выставке Лейлы Изабакаровой в Государственном Историческом музее (Москва) в 2013 году.

«Манаба, куда тебе столько, ты что, 300 лет жить собираешься?!» — вспоминает Лейла слова отца — замечательного мастера-ювелира Кадыра Изабакарова; хотя он и сам имел страсть к такому «собирачеству» и умел всё пускать в дело.

«При создании броши «Цветок» (2011) Лейла, обыграв деталь старинного пояса с зернинками и старой позолотой, вставила камень и сделала стилизованный стебель с листьями. Она использовала стратегию бриколажа, когда произведение искусства и новая эстетика создаются из знаковых фрагментов-объектов прошлого», — объясняет Патимат Гамзатова. Брошь «Цветок», конечно же, была на выставке «Фьюжен».

Среди экспонатов — произведения в стилях и техниках диапазона от этно до модерна и стимпанка, от литья до филигранны и выпилки. Отдельной витрины удостоились миниатюрные книги: «Письмена» и «Мой Дагестан» Расула Гамзатова, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Когда-то Манаба купила около двадцати экземпляров каждого издания (она вообще коллекционировала книги-миниатюры). Серебряные (с чернью, гравировкой, вставками из эмали и полудрагоценных камней) оклады, выполненные к ним её руками, неизменно приковывали к себе взгляды

на любой выставке и вызывали восхищение зрителей. Лейла заказала тбилисскому мастеру обложки из благородного дерева для нескольких оставшихся экземпляров и украсила их изящными узорчатыми накладками из серебра, выполненными большей частью из деталей старинных украшений. Это — уже её прочтение.

Значительная часть экспозиции — эмали, про которую Лейла, кажется, знает всё, выбирая тот или иной её вид в зависимости от поставленной художественной задачи, от требований образа. Ей покрывается и перегородчатая, и выемчатая, и расписная эмаль, и даже технической она находит применение, используя небольшие пластины, привезённые из Кечкемета (венгерского центра эмальерного искусства) в качестве основы для живописи (плакетка «Тбилиси», 1987). Живописная миниатюра на эмали выполнена на серебре, на меди, на чеканке (тоже медной). А иногда основой служит гуашевая живопись на картоне, на который помещается собственно эмалевая роспись по медной пластине, и получается такая миниатюра в миниатюре, создаётся эффект глубины пространства и многоплановости. Или, если ещё раз процитировать Гамзатову, «сочетание пейзажного «фона» и «реальной фигуры» напоминает приёмы построения театральных декораций или панорам». Цвета при этом насыщенные,

но вместо ожидаемых локальных цветочных пятен — сложные светотеневые переходы почти акварельной нежности. Такова серия натюрмортов с гранатами и одни из самых ранних (1985–1989 гг.) работ мастера: плакетки «Старый Тбилиси», «Тбилисские балконы», «Колокола. 9 апреля» и, конечно, «Кубачинка», — хорошо известная всем ценителям творчества художника.

Миниатюры не только знакомят зрителей с гранями таланта выдающегося эмалиера, блестящего графика и живописца. Экспозиция выстроена таким образом, что они как бы обрамляют витрины с кольцами, серьгами, подвесками, брошами, браслетами, какими-то невероятными ожерельями-нагрудниками и украшениями-трансформерами. Все изделия, даже самые небольшие, очень броские, зовущие (не путать с «вызывающие», последнее совсем не про Манабу и не про Лейлу — и в жизни, и в искусстве). Огранённая, отчеканенная, выгравированная, выкристаллизованная, пере- и выплавленная красота.

Кстати, сама Манаба украшения на девала крайне редко, по особым случаям. И это всегда было одно кольцо, кото-

рое она сама же и сделала: бархатная лента пропущена сквозь плоские серебряные с эмалью пряжки — всё гениальное просто. Но в этой простоте столько благородства, изящества и подлинной гармонии, какой не сыщешь в блеске многокаратных драгоценностей. Не случайно на свой вернисаж Лейла надела именно это — мамино — кольцо. И серьги папиной работы. Эти рукотворные вещи не просто напоминают ей о родителях, они придают ей, как мастеру, как художнику, уверенности, вдохновляют на создание новых шедевров — во всех смыслах этого слова.

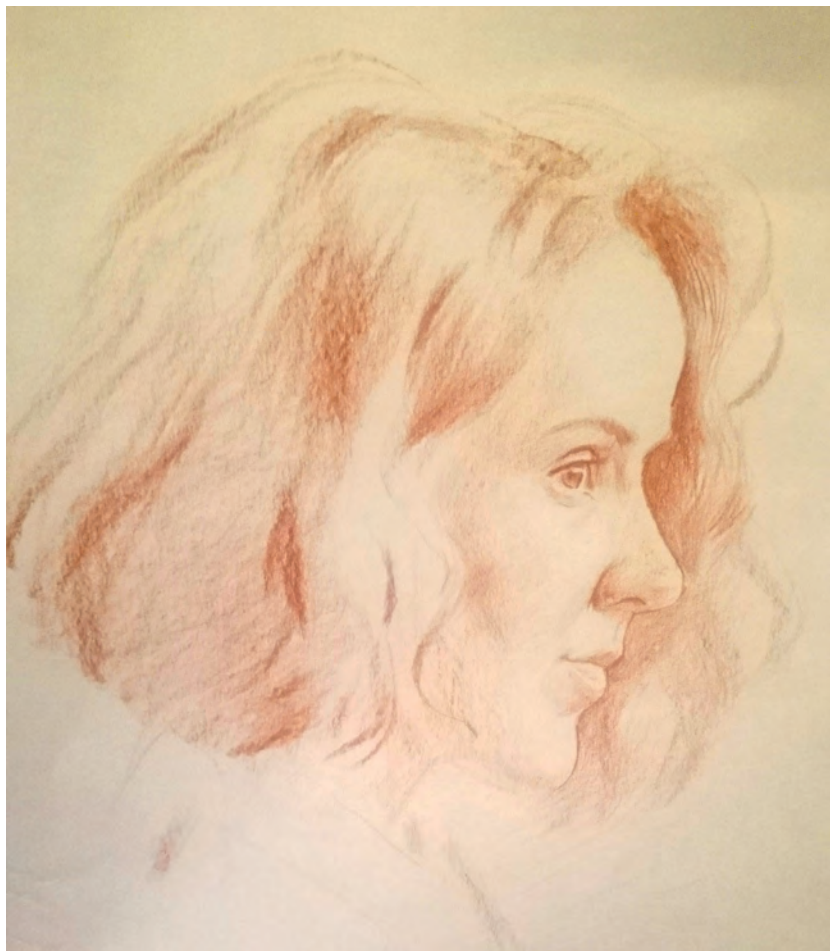
Влада Бесараб

Влада Бесараб

НЕПАРАДНЫЙ КУБАЧИ

Пленэр

«**О** Кубачах говорят и пишут так много, популяризуют и рекламируют Кубачи так усердно, как будто декоративному искусству Дагестана больше нечем похвастать», — писал в 70-е годы прошлого века архитектор, исследователь культуры и быта народов Кавказа Аркадий Гольдштейн. С ним нельзя не согласиться, но и согласиться тоже нельзя. Потому что Кубачи действительно — «наше всё».

Кубачинскому искусству посвящены две другие статьи этого номера, в этой же мы просто покажем живое село и его окрестности. Нам кажется, что сегодня, в XXI веке, уникальность аула не столько в его известном промысле (тем более что за пределами Кубачи работает куда больше мастеров, чем непосредственно в селе), сколько в том, что он, в отличие от других населённых пунктов Страны гор, живёт и развивается. Время здесь не остановилось, не застыло — за этим пожалуйте в Кала-Корейш и Амузги; а Кубачи — не живописные развалины, но и не туристическая деревня. Кубачи — живое село с богатой историей. Именно таким и увидела его студентка мастерской графики ХГФ ДГПУ Багжат Дибирчуева и запечатлела в своих рисунках, акварелях и офортах.

Каждая встреча с аулом и с природой гор даёт возможность молодым художникам наблюдать издалека и вблизи жизнь горцев, подмечать живописность или графичность в воспринимаемых явлениях и картинах, красочность, разнообразие, симметричность растительных форм, орнаментальность узоров в цветах, листьях, ветвях. С

расова — недавнего выпускника ХГФ. Благодаря его гостеприимству, дом этот уже можно назвать «творческой дачей» мастерской графики. Летом ребята живут тут подолгу: одни приезжают, другие уезжают, навещаются и педагоги. Сельчане не обращают внимания на художников, которые со своими блокнотами и планшетами с самого утра разбредаются по всему аулу. Это обстоятельство и удивило нашу героиню (особенно в первый приезд), и подкупило. Вокруг многочисленных гостей, будь то туристы или журналисты, суетятся обычно те, к кому они приехали, да экскурсоводы, остальные заняты своими повседневными делами. Кубачинцы не работают «кубачинцами», живописно прохаживаясь по узким улочкам в праздничных народных костюмах. У них другие заботы.

Каждый художник видит мир по-своему, воспринимает те нюансы его оттенков и полутонов, которые ему ближе. Но не из одних «картинок» рождается художественный образ: вкус, запах, звук — всё важно:

— Там потрясающая акустика! Ты выходишь на крышу, видишь другие крыши, небо, горы и вроде бы никого нет вокруг. Но слышно, как мычит корова, переговариваются женщины, шумят дети, играет

этого и начинается эстетическое познание природы, её осмысление.

Приезжая в Кубачи, молодые художники обычно останавливаются в старой части села, в доме семьи Абдула Кайма-

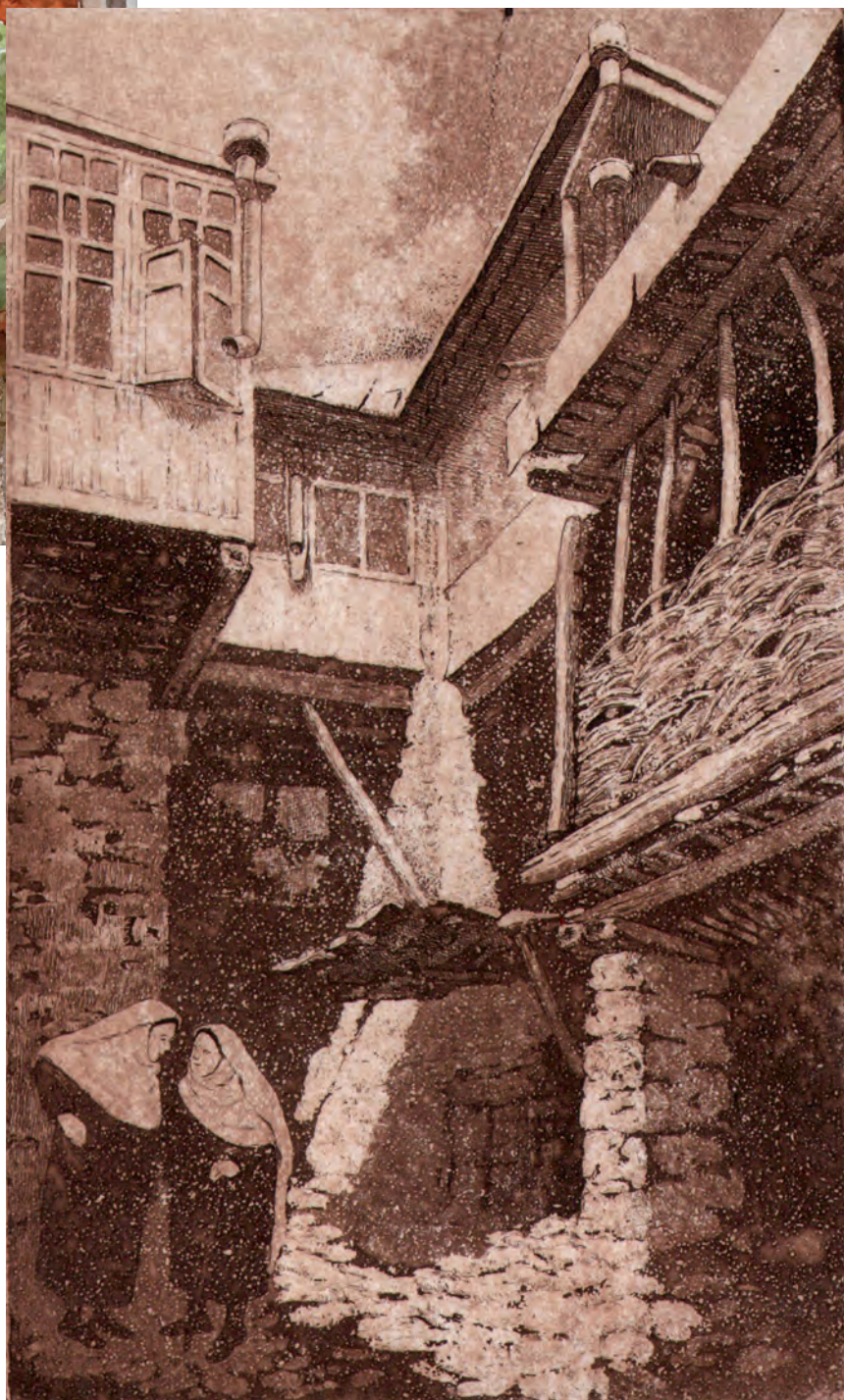
Каймарасовых быстро схвачена акварелью где-то в углу большого листа, отданного под пейзаж, в котором автор торопилась поймать, схватить, зафиксировать впечатление от контраста синевы оконных рам и дверных проёмов с синевой высокого летнего неба, до которого тут рукой подать. А после дождя, точнее, между дождями, небо, горы, крыши тонут в тяжёлой серо-синей акварельной влажности. В дождь, а такая погода в Кубачи не редкость, художники сидят дома

радио... И во всём этом шуме отчётливо слышно один удивительный звук, который я сначала никак не могла определить. А потом поняла, что это мастера стучат своими молоточками!

— Вот прям, как в книжках пишут про этот стук молоточков, что он разносится по всему селу?!

— Да!

В кубачинской серии работ Багжат Дибирчуевой нет знаменитого панорамного вида на село, резных камней, вмонтированных в старую стену, какой-нибудь узкой кривой улицы, особенно живописно изгибающейся. Она не копировала пышный мархарай с драгоценных экспонатов местного музея. Богатый орнамент каминной каменной плиты едва намечен в блокноте. Резная деревянная подбалка из дома

у железной печки — самое время зарисовать бытовую сценку с участием друзей-коллег или создать автопортрет.

По первому образованию Багжат — дизайнер: окончила Дагестанское художественное училище, работала. На худграф поступила спустя семь лет. Шла не за дипломом — он дизайнеру заказов не гарантирует, но смутно чувствуя какую-то потребность в занятии искусством. Позади четыре года учёбы в мастерской графики, через год — выпуск. С темой дипломной художник ещё не определилась, да это и не суть важно. Пресловутая «выпускная квалификационная работа», хоть и завершающий, но всё же этап ученичества, на котором выпускник обязан продемонстрировать все «знания, умения, навыки», полученные за годы учебы. На этом основании легко оценить технические возможности автора, но очень сложно — его внутренний потенциал, способность и желание превращать собственное эмоционально-художественное восприятие мира в произведения, перед которыми захочется остановиться.

Кубачинская серия Дибирчуевой позволяет говорить о том, что за годы учёбы она научилась гораздо более тонким вещам, нежели законы композиции и выразительные возможности штриха. Она видит, слышит, чувствует, думает как художник. И умеет трудиться.

Уникальность Кубачи не в завитках серебряного орнамента и не в каменном кружеве, не в изяществе золотного шитья и не в ори-

гинальной форме мучала. Всё это можно увидеть в музеях — от Махачкалы до Нью-Йорка. Можно научиться так же гравировать и вышивать. Можно даже научиться носить воду в мучале, не расплёскивая и запомнив, что истинные кубачинки носят его на левом плече (или бедре?). И сложный кубачинский язык можно выучить, если очень захотеть. Только незачем. Уникальность Кубачи в том, что это живое село, где играют свадьбы и справляют похороны, принимают гостей и ходят (или не ходят) на выборы. И всё это происходит под звук молоточков мастеров серебряного дела.

ЭТИКА ЭТНОСА

Продолжаем публикацию материалов докторской диссертации ученого и этнографа, профессора Сергея Абдулхаликовича Лугуева «Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана. XIX – нач. XX в.»

Мы неоднократно останавливались на том факте, что исходная задача и цель вербального общения не ограничивались сообщением-получением информации и реакцией на этот акт. В беседе важное место отводилось подчёркнутому стремлению не задеть самолюбие, достоинство человека или группы людей недостаточной почтительностью или фамильярно-грубой манерой высказывания. Недопустимость определённой лексики вытекала из исторически устоявшихся морально-этических норм дагестанских обществ, в большинстве которых высшим достоянием личности считались личная свобода и связанное с нею чувство собственного достоинства.

Чаще всего в этикетной речи применялись метафоры. Так, у народов Дагестана получили широкое применение обороты, как «сладкий язык», «сладкое слово», «кислые слова», «жидкий (жидковатый) мужчина (поступок)», «каменное сердце», «пылающее нутро», «железный кулак», «змеиный язык», «порхающий по воздуху» (о несобранном, несерьёзном человеке), «волчьи повадки (ухватки; глаза)» и многие другие.

В каждой отдельно взятой этнической среде применялись и местные, специфические, сугубо этнические метафоры, например: авар. «владелец (распорядитель) мудрости»; лак. «дети — как золотые пуговицы»; дарг. «сыновья, подобные жердям (ограды)»; лезг. «улю подобный джамаат» (боеспособный, воинственный); кум. «бронзовые слова» (тяжеловесно-значимые); табас. «густые (полновесные, наполненные) поступки», агул, «гребнеподобная речь», «через гребень пропущенная речь» (продуманные слова); рут. «человеческое слово в угли превращать» (не дорожить общественным мнением); цах. «с родниковой воды жир снимающий»; анд. «пулеголовый» (постоянно готовый к резкому, неуважительному поступку); ахв. «надёжный, как каменный мост»; цез. «пол (стены) маслом мажущая» (умелая, рачительная хозяйка, умеющая угодить членам семьи) и т.д.

* * *

Характерны для этикетной речи дагестанцев гипербола (чрезмерное преувеличение), и литота (намеренное преуменьшение), например: «пот с кровью» (от чрезмерного напряжения); «попились слёзы с кровью» (от чрезмерного горя); «кулак с осла»; «от стыда лицо сгорело»; «от безделья шиповник (на теле) вырос»; «надой, достаточный для кошки»; «баран с кошку»; «глаза — капли» и многие другие.

* * *

Беседа с группой, речь при стечении народа, разговор со старшими по утвердившимся этическим нормам должны были отличаться от обычной повседневной разговорной речи.

* * *

Непосредственно после приветствия или слов, обозначающих приветствие, следовали вопросы, рассчитанные на демонстрацию внимания, учтивости и приветливости. Чаще всего спрашивающий уже знал, какой последует ответ. Тем не менее, вопрос задавался: и спрашивающий, и отвечающий исполняли традиционный, этикетный коммуникативный акт.

«Как жизнь, как здоровье?» — «Слава Богу, не плохо. А у тебя как?» — «Благополучия тебе, милостью Создателя, хорошо!»

«Как дом, как семья?» — спрашивал обычно старший у младшего, мужчина — у женщины.

Близкие родственники, соседи, представители дружественной семьи такие вопросы в повседневности обычно не задавали.

При значительной разнице в возрасте нормы этикета требовали от младшего демонстрации готовности к услугам: «Не испытываешь ли во мне надобности?», «Чем могу помочь?», «Может, есть какое-нибудь поручение?»

* * *

На завершающей стадии общения: тот из собеседников, кто находился в непосредственной близости от своего дома, приглашал другого зайти к себе. При этом какое бы изысканное блюдо дома не готовилось, приглашающий предлагал «отведать кусок хлеба», «немного толокна», «глотка воды».

Всё это предлагалось только достаточно близкому человеку, остальные приглашались «немного отдохнуть».

Приглашаемый с благодарностью вежливо отказывался, ссылаясь на вескую причину, явную или вымышленную.

Приглашение и отказ часто носили условный, этикетный характер: первый мог не быть готовым к приёму гостя, второй мог испытывать желание отдохнуть, подкрепиться. Чтобы собеседник принял приглашение, хозяину нужно было проявить некоторую настойчивость, убедить приглашаемого, что он — «объект реального коммуникативного воздействия, а не ритуального».

* * *

Умение поддерживать беседу, придать ей направление, интересующее всех присутствующих или их большинство, безусловно, считалось лестной характеристикой для любого члена общества. Считалось дурным тоном навязывать собеседнику свои личные, семейные, хозяйственные или бытовые проблемы. Частности жизни должны были содержать ту или иную мораль, нравоучение, либо практическую информацию, рекомендацию, либо нести в себе заряд здорового юмора, чтобы развеселить присутствующих.

* * *

Лучшим способом поддержания беседы считалось избрание темы, живо интересующей всех присутствующих своей злободневностью, новизной, информативной насыщенностью

или юмористической, сатирической направленностью. В последнем случае веселый настрой собравшихся ни в коем случае не должен был совершаться за счёт ущемления самолюбия или достоинства кого-либо из присутствующих: нормы этики основывались на требовании, чтобы смешно, весело было всем, в том числе и «героям» обсуждаемого эпизода, поступка. Если происходило обратное, тема разговора менялась, переходя на другие события, явления.

* * *

Обычно собравшиеся говорили, соблюдая негласную очерёдность, где старший по возрасту пользовался правом высказываться первым. Подхватывал тему и развивал её обычно следующий по возрасту, который мог в какой-то части отойти от неё, придав беседе другое направление. Такой порядок с некоторыми вариациями каждый раз возникал сам собой, естественно, соответственно стародавним традициям.

* * *

Неумение высказать мысль, скудность языковых средств тягостно воспринимались окружающими, мешали получению удовольствия от общения. Умение говорить, «подковать слово», заставить себя слушать, увлечь, убедить слушателей высоко ценилось в обществе, и было верным способом поддержания беседы.

«Ценят остро, как нож,
К месту сказанное слово...».

Людей, обладающих таким даром, обычно знали во всей округе. Их роль и значение в обществе были заметными, их высоко чтит рядовое узденство, их стремились привлечь на свою сторону феодальная знать и управленческая верхушка. По преданию, Агалар-хан Казикумухский выявлял по всей Лакии и на зависимых территориях наиболее выдающихся своим красноречием людей, давал каждому из них какую-нибудь должность, держал всех при своём дворе.

* * *

Задеть чьё-либо самолюбие и даже невольно оскорбить кого-либо мог человек и по незнанию местных обычаев, традиций. Например, для укрепления организма женщины, перенёсшей роды, тиндинцы готовили, специальную похлебку из солода и толокна. В отличие от боль-

шинства других народов Дагестана, кошение травы тиндинцы относили к женским занятиям. Поэтому в указанном обществе было не принято предлагать толокняно-солодовую кашу мужчине. Задетым за живое почувствовал бы себя и тиндинец, вынужденный по каким-либо обстоятельствам косить траву, если бы проходящий попытался бы высказать ему добропожелание, адресуемое обычно косарям. В том и другом случае мужчина мог оскорбиться.

* * *

Нормы речевого общения выделяли слова и выражения, употребление которых считалось предосудительным и неприличным. Запрет был особенно строг в ситуациях общения «старший — младший», «мужчина — женщина» и «свой — чужой».

* * *

К таковым относились любые упоминания о сомнительных или откровенно негативных поступках женщины, чьей-либо родственницы или жены, а также о подобного рода поступках мужчины, родственника кого-либо из присутствующих.

* * *

Общающиеся тщательно избегали названий срамных мест и половых органов, номинаций, имеющих отношение к физическим актам, интимным отношениям, половым извращениям и так далее. Не только отдельные слова, но и вся тематика вокруг этих и им подобных понятий традиционно считалась запретной.

* * *

Подобные запреты не то чтобы снимались, но не так строго выдерживались разве что шутами-ряжеными на праздниках и свадьбах. В селении Риквани, сообщает нам М.А. Агларов, во времена проложения первой ритуальной борозды в праздник Выхода плуга допускались вольные шуточки с подтекстом на интимные взаимоотношения полов.

* * *

Неэтикетным считалось уделять внимание подробностям материального благополучия того или иного члена общества, его преждевременной дряхлости или бодрости не по годам, его

личным аморальным качествам, особенностям его внутрисемейных отношений. Иначе говоря, всё, что так или иначе могло быть отнесено к категории сплетен, пересудов (какдей, каки, гъвел; бурушин; вайси гъайала, чабихьибен агри; гъибет, фитне, микир; айтди-къойтду), считалось занятием недостойным для мужчины.

Соответствующее поведение женщин хотя и осуждалось, но не столь жёстко.

* * *

Участник общения должен был следить за тем, чтобы ненароком не задеть чувство национального достоинства любого из коммуникантов. Для Дагестана, с его полиэтническим населением, последняя из норм была особо значимой.

* * *

Этикетные нормы совершенно исключали наличие в речи элементов самодовольства, самохвальства, выпячивания реальных или мнимых собственных достоинств, превосходства, материального состояния и проч. Это же относилось и к характеристикам своего ближайшего окружения, членов семьи, близких родственников.

* * *

Неуместны были в устах говорящего, особенно мужчины, пространные речи о еде и напитках, о вкусовых качествах тех или иных блюд, о способах их приготовления. Недостойным считалось также проявление чувства голода.

* * *

Неприличны и, следовательно, не этикетны, были ссора, выяснение отношений мужчин в присутствии женщин и несовершеннолетних. Неприличны были расспрашивания гостя о цели его приезда, о его семейных делах и проч. и т.д.

* * *

В любом кругу соблюдался принцип максимального отказа от вульгаризмов, сведения к минимуму разговоров об аморальном, об интимной жизни любого из присутствующих.

* * *

Если в ходе беседы создавалась необходимость затронуть одну из запретных тем, то обычно прибегали к языку намёков, к уклончивым

оборотам речи, к эвфемизмам. Например, о половом акте: «то, что возникает между мужчиной и женщиной» (повс.); «мужчина и женщина были заняты исключительно собой» (кум.); «двое проявляли необузданность» (дарг.); «мужчина и женщина были заняты игрой» (лак.); «возились в тени» (авар.), «занимались непотребным» (лезг.), «общались горячим шёпотом» (тинд.), «рассказывали друг другу ишачьи сказки» (табас.) и др.

* * *

Проявляя благовоспитанность, мужчина в своём кругу никогда не сказал бы «у него (и, тем более, «у меня») на ягодице выскочил фурункул». В таком случае применялись выражения типа «временно лишён возможности ездить верхом», «стоять удобнее, чем сидеть», «там, где не нужно, образование возникло» и др.

* * *

Понятие «мужские органы» передавалось словами или словосочетаниями «оружие», «вооружение», «то, что поверх седла», «то, что пониже пупка». Такие словосочетания, как «развратная женщина» и «женщина лёгкого поведения» в разговорной речи применялись редко; чаще использовались такие эвфемизмы, как «пёстроглазая» (авар.), «с зеленоватым оттенком» (лак.) «туда-сюда смотрящая» (кум.) и другие.

* * *

Наконец, этикетные нормы поведения исключали применение в речи всего, что могло бы быть отнесено к оскорблениям. Например, ничуть не смягчали (и не могли смягчить!) силу воздействия такие определения, как «ослиные шутки», «ослиный характер», «собакой рождённый», «голодная вошь», «обезьяноликий», «бесхребетный» и др. Последствия подобного выпада в адрес другого лица могли быть сглажены посредством извинения, искреннего раскаяния и вмешательства посредников.

* * *

Но несравненно более остро воспринимались негативные высказывания в адрес близкого родственника. И особенно родственницы.

ХИРИНДУ-САФИ НЕИСПРАВИМАЯ ЛЕГКОСТЬ

Мы познакомились в 2009. Мой редактор сказал: «Слушай, там девочка одна, певица, выиграла конкурс какой-то, съездила в Америку, там что-то тоже выиграла, вот телефон, позвони». И я позвонила. Она пришла, совсем ещё девчонка, 19 лет, и мы записали интервью. Про то, как Хиринду-Сафи Султанова потеряла концертное платье перед самым выступлением, как удивилась, что на улицах улыбаются, и как сильно ей не хватало в Америке маминой манной каши. А потом я попросила: «Спой, а». Её голос заполнил небольшой кабинет, там не оставалось места ни для меня, ни для неё самой, и было непонятно, как такая машина живёт в худом девчоночьем теле.

Прошло почти 10 лет. Она уезжала в Москву, вернулась. Оказалось, она по-прежнему поёт, а ещё пишет на своей страничке в Фейсбуке резкие посты — совсем детские, бунтарские. И стихи пишет. Тоже детские, если понимать под этим словом безыскусность и такую открытость, что хочется обнять, заслонить, защитить. Она где-то совсем безбашенная, где-то очень консервативная. Она стрижётся налысо и поёт аварские песни. Бесстрашно ругается в Интернете и боится расстроить маму. Живёт и учится в Москве,

как и многие наши соотечественники, но вся целиком совершенно наша — махачкалинская, дагестанская. Именно об этом, а не о музыкальной карьере мне и захотелось рассказать. Девушка со сложным именем Хиринду-Сафи — живое воплощение современного Дагестана со всеми его противоречиями.

Про слона в туфлях и маленькие хитрости

*Под деревом сидела собака,
За ней наблюдала кошка —
Кошка боялась сильно,
Но делала вид, что немножко.*

— **Напомни, сколько тебе было лет, когда ты отсюда уехала?**

— Мне был 21 год. Я только что окончила музыкальное училище и последние четыре года жила одной мыслью — закончу и сразу, сразу уеду. Как сейчас помню, 3 июля 2011

года я села в самолёт на Москву. Это самый счастливый день в моей жизни. Была уверена, что не могу не поступить. Но мама подружка посоветовала подать документы в Гнесинку и ещё в институт культуры. Я о нём даже не слышала — я Гнесинкой горю. И представляешь, прихожу в Гнесинку, сдаю вокал. На следующий день вывешивают оценки — самый низкий балл. Двадцать баллов из ста. Это был удар. Я всегда была уверена, что я офигенная. Как мне кто-то может что-то сказать, я же, блин, классная! Провал меня подкосил.

— **И что ты? Ревела?**

— Не помню. Мы тогда были с мамой. Она тоже была в шоке. Кстати, вспомнила, забавное. После экзамена мы с мамой пошли в зоопарк. А у меня с собой были дорожные туфли. Специально на экзамен надела, а после сняла. И представляешь, я их забыла в зоопарке. Вот из-за них плакала! А мама шутила, что их какой-нибудь слон носит.

Но это всё было возможно — и мои слёзы и шутка про слона, потому что мы обе были уверены, что я поступаю. И мелкие эти потери были как приправа, что ли, чтобы потом, когда я стану звездой, рассказывать об этом в интервью или родным. Но я не поступила. Не знаю, откуда у меня взялось упрямство, но через день я иду на экзамен в институт культуры. С теми же песнями. Сто баллов.

— **Первое, что делает нормальный институт — это лишает уверенности в собственной крутости. У тебя как вышло?**

— Тут важно, к какому педагогу попадёшь. Мой педагог по вокалу — Донская-Анисимова Ольга Анатольевна (очень хочу, чтобы ты это выделила). То, как я сегодня владею голосом, это благодаря ей.

Мне с педагогами везёт. Им со мной — нет, а мне с ними — да. Им не плевать, как я живу, и что со мной будет. Они и в мою личную жизнь могут влезть, с моего позволения, конечно. У меня такая была и в музыкальном училище — Папаян Светлана Георгиевна. И вот — Ольга Анатольевна, у неё взрывной характер, она мне этим очень близка. И моё слияние с институтом, если можно так сказать, благодаря ей произошло очень мягко. Помню, пришла на первое занятие, трусила ужасно, а она мне: ну, присаживайся, кошечка

ка моя. И это было так круто — «кошечка». В тот момент я поняла, что мы с ней на одной волне. Она не только в профессиональном плане мне помогла, она как к человеку ко мне относилась.

Мне только немножко пришлось хитрить. Я, даже если не любила предмет, всё равно участвовала во всех семинарах, садилась за первую парту, смотрела педагогу в рот. Может быть, по-школярски. Но это такая хитрость. И в конце полугодия педагог, такой строгий, всем неуды ставит, а мне — «А, Султанова, я вас помню, хорошая девочка, пять!»»

— **Так что с твоим педагогом, она довольна тем, как ты выучилась? Ты получила от неё какие-то слова одобрения, что-то кроме кошечки?**

— Уже после, когда поступала в магистратуру, решила сделать ей сюрприз. И для экзамена выбрала песню «Афганский вальс». Песня трагичная, о любви к солдату, который не вернулся к невесте. Я послушала, как её исполнила Ирина Шведова, показалось скучным. Не хватало эмоций, не цапануло. Я посидела и расписала песню по-своему. И вот я её спела, и тут моя Ольга Анатольевна заплакала. Заплакала и сказала: я вырастила профессионала. Я в тот момент поняла, как она мной гордится, как верила, что я не стану делать всё по шаблону.

Про кресло министра, патриотизм и детские песни о детской страсти

*Спускается кошка на землю,
Уже ей чуть-чуть осталось.
Страх покидает кошку
И бдительность тоже, немножко.*

— Я ехала в Москву и думала, что я там стану звездой великой. Что буду участвовать в «Голосе». Выйду на сцену, запою, и все сразу нажмут кнопки. Или: вот я поступаю, отучусь, вернусь в Дагестан, стану министром культуры, например. Или займу какой-то пост, это было бы офигенно. Но не в плане финансов, а чтобы что-то интересное и крутое делать. Немножко смешно вспоминать об этом. Я и сейчас не понимаю, какое у меня будущее. Не вижу определённой цели, что я

хочу там-то работать, или тем-то быть. Через пару лет после переезда в Москву и учёбы там я поняла, что я не пуп мира.

Рядом со мной учились и работали классные люди. Конечно, было и много халтурщиков, кому учёба как не в коня корм. Сама училась жадно, хватала всё. Очень горжусь, что владею различными стилями в вокале. Могу исполнить и рок, и третью, и пятое. И десятое. Рок, джаз, блюз. Я очень люблю блюзовые композиции. Мне нравится поп-рок — это, наверное, самый такой чёткий жанр, меня качает. Романс тоже очень люблю. Говорят, — самый сложный жанр. Требуется не только голоса, но и души. Там слово очень много значит. Я в Москве преподавала детям и всегда говорила: нужно слышать слово, понимать, что вы поёте. Когда маленькая девочка поёт о неиспытанной любви и страсти, это звучит фальшиво.

— **Не очень люблю слушать про взлёты. Из таких историй ничего про человека не поймёшь. Интереснее, что и как он рассказывает про свои неудачи, кого в них винит.**

— Взлёты-то были — не столько, правда, сколько я ожидала. Мы с группой и на Первом канале выступали, в «Поле чудес» засветились. И вот какие-то такие моменты, когда мне казалось, вот круто, мы что-то делаем, дальше будет ещё лучше — раз! — и опять упадок. Думаю, проблема была с продюсером, не было чётко выстроенной работы. Всегда должен быть какой-то план, а тут всё время: «ой, денег нет», «ой, там концерт отменился». И в финансовом плане проблемы были: работала, а денег не видела особо — фигня какая-то. Стала искать для себя какие-то другие варианты. А это очень не приветствуется. Считается, что нужно отдаваться одному делу, даже если это тебе выходит боком. И начались такие разговоры вскользь: «Вот Сафи у нас в небесах летает, наверное. Спустится, может быть, на землю?» И я вообще ушла из группы.

— **Тебе не пришлось столкнуться с неприятием? Всё-таки девочка из**

провинции приезжает в большой город, метит в певицы, а там уже топчется огромная толпа, и она этой девочке не рада.

— Не было. Извини. Поначалу я горела, подавала документы на все кастинги, куда-то ходила. И не могу сказать, что меня не воспринимали. Наоборот, говорили, вот девочка, хорошо поёт, а можно эту девочку ещё раз на концерт. Мне очень удаётся патриотический репертуар. Я на самом деле люблю эти песни — не потому что я такая великая патриотка.

Когда говорят, что надо бы куда-нибудь уехать, я думаю: «Ну, уеду я. И что? Мне здесь нормально. Можно на многое жаловаться, ну а что делать, такая страна, так и живём». Ещё никогда у меня не было конфликтов на национальной почве, никто от меня не отворачивался. И я всегда удивляюсь, когда люди говорят про холодность Москвы. Меня это не коснулось. Ко мне всегда отношение было такое, тёплое. Если просила о чём, всегда помогали.

— **Давай теперь о Дагестане. Ты училась в хорошем вузе, жила в хорошем городе и вдруг такое неожиданное возвращение. Зачем?**

— Всё вышло случайно. Перед окончанием института работала на кафедре, были планы. Меня все педагоги знают, я на хорошем счету; думала: вот будет круто, я стану тут работать, потихоньку квартиру снимать. И тут в 2016 году летом я приезжаю в Махачкалу на свадьбу и встречаю Сабира Алаверды. Он говорит, я сейчас руковожу музыкальной частью в ресторане «Вейнерский сад», нам нужна певица, у нас очень интересная команда. Я, конечно, сразу «да» не сказала. Но задумалась. Как раз была напряжёнка с работой. На лето закрылась школа, где я преподавала; с рестораном, где пела, возникли проблемы. И потом я немножко, может, соскучилась. Думаю, раз пока не получается куда-то продвинуться, ничего я не теряю.

Через два месяца позвонила Сабиру и сказала, что приеду. Меня зацепило то, что там живой состав. В ресторане всё-таки люди сидят, едят, слушают тебя в

**Про аварский рок, импозантных мужчин
и «мама всегда права»**

*Собака хвостом виляла,
Делала вид, что ослепла,
Но тоже следила за кошкой,
Пусть даже совсем немножко.*

пол-уха. Даже в Москве, на банкете в самом крутом ресторане люди всё равно пойдут танцевать под Сердючку, под «тра-та-та». Я приехала не для пения в ресторане, а чтобы работать с командой, которая планирует выходить на другой уровень. Хотелось показать себя на другой сцене. На правительственных концертах, где мы можем выступить командой. Потом могут куда-то отправить.

— **Что значит «отправить»?** Если вы интересны, если вы записали что-то крутое, почему надо тусить на этих скучнейших правительственных концертах и ждать, что тебя заметят и продвинут? Это просто какой-то совок. Ты молодая девчонка, откуда в твоей голове такая каша? Что, Земфира, ждала, пока её отправят?

— Скажи, она классная!?! Ты права, конечно. Я вот сама думаю: что я столько сижу и ною в Интернете?

* * *

— **Говорят, ты на каком-то концерте вышла на сцену с бубном в руках, и зал взревел от восторга. Никто не ожидал такого.**

— Это было в Москве. Большой концерт для дагестанской диаспоры — мне очень нравятся эти сплочённые концерты. Очень загораюсь, мне нравится в этом вариться. И я, знаешь, в чём была? В том самом платье, в котором выступала в Америке девять лет назад. Там были ещё чохто и штанишки, но их уже нет, а чохто мы перешли немножко. Вышла я с бубном, и кто-то сказал про Муи. Мне было очень, просто очень приятно. Она же без образования специального, но настоящая певица. И думаю, очень много над собой работала — это же невероятно, сохранить такой голос.

Почему у нас столько исполнителей, а все поют одно и то же? Ведь, в самом деле, есть народные песни, можно и авторскую вещь записать на родном языке, можно же что-нибудь роковое на аварском спеть. Славить

национальные мотивы и рок — это же интересно, это же даст крутой эффект. Почему у нас до сих пор никто за это не берётся?

— **Это я тебя спрашиваю: почему?**

— Клянусь, не знаю. Двигать народное искусство в Дагестане — куда? Чтобы своеобразие оставить и добавить что-то. Я понимаю, что мало работать над голосом, нужно ещё и головой, но я ещё не поняла, куда идти. У меня даже была песня на слова Расула Гамзатова. Мне и стихи его нравятся, и он сам нравится. Интересный, импозантный мужчина. Любил алкоголь, женщин, жизнь любил. Но понимаю, что ты тоже права, что есть много молодых поэтов, моих ровесников и надо чего-то там... Не стоять на месте.

Ещё понимаю, что проблема во мне самой. Мало старалась, и мама в принципе права. Она мне резко это говорит, а от неё это тяжело принимать. Я начинаю злиться, я просто схожу с ума! Она очень болезненно реагирует, когда я начинаю ей грубить.

Совсем недавно она написала про меня. Оказывается, ей тоже не просто. Пишет, что я была невыносимым подростком. А она, «ужасная мать», носила с собой блокнотик с моими стихами, чтоб их перечитывать, когда ей казалось, что я холодная и чёрствая. И эти стихи помогали.

— **Ты знаешь, а вы ведь очень похожи. Потому и ругаетесь, наверно.**

— Думаешь? Вот я сейчас осознаю, что мне 27 лет, вроде бы уже и замуж надо бы выйти и ребёнка родить, а я понимаю, что к ребёнку я не готова. У меня племянница родилась, какое-то чудо. Если она рядом, мне так комфортно. Думаю: жаль, что это не моё дитя, которое я могу взять и унести с собой куда-то. Но в то же время понимаю, что и выйти замуж, и родить ребёнка — это не просто так, это ответственность.

Скажу тебе честно, я бы не хотела себе такую дочь, как я. У меня есть сестра двоюродная — не болтает попусту, не спорит, не врёт, с характером, но не строптивая. Может сделать, как ей сказали, даже если знает, что права она. Наверное, я бы хотела, такую дочь.

— **Хочешь удобного ребёнка?**

— Не удобного, а чтобы не делал моих ошибок. Мне кажется, я сама себе много на-

портила. С личной жизнью, например. Бывало, что за мной начинают ухаживать, и сразу мысли: мой последний шанс, надо поскорее замуж! Бред какой-то, короче. Если бы меня не тыкали этим замужем, я б, может, так не думала. Но тыкают же. А ещё у меня был комплекс с детства, что я не нравлюсь мальчикам, за мной никогда не «бегали». Я плакала: ну как так, я же и яркая, и на сцене... И когда на меня обращали внимание, была даже благодарна. Думала: о, круто, он меня оценил! Люди сразу видели эту мою дурацкую благодарность и начинали меня исправлять: так не делай, то не делай. И чем старше я становлюсь, тем чётче понимаю: я сама себе такая, исправленная, буду нужна?

Про честность, картошку и несправимость

*Собака хвостом виляет,
Дальше сидит как слепая.
А кошка идёт к ней в лапы —
Кошка совсем тупая.*

— До Москвы я тоже пела в ресторане и так сильно реагировала на всё — такая дура была! Меня всё время дергали: «оденься нормально, что ты так вышла», «ой, ты вообще не красишься, так некрасиво». Или на кухне поварили: «на вот, почисть картошку — это тебе не на сцене петь». И я начинала плакать. И краситься, как не знаю кто. В Москве отвыкла краситься — разве что для сцены. Ещё вот волосы. Не особо дружу с этими фенами, утюжками, люблю и как есть пойти, ведьмой. Недавно был эмоциональный срыв, я взяла и остриглась налысо. Сначала ходила в платке. Через месяц волосы немного отросли, я смотрю: о, оказывается, как круто! Вот так у меня появился свой стиль. А вокалисту стиль нужно найти свой обязательно. У тебя может быть офигенный голос, но ты не пришёл к сцене, ты не смотришься на ней, и всё — тебе сказали «нет».

— **В чём разница между тем, как ты себя чувствуешь на сцене и в обычной жизни?**

— Сцена меня вроде как защищает. В Москве отвыкла от излишнего внимания, а тут, дома, всё наоборот. На сцене ты сво-

бодна — то, что на тебя смотрят, зажигает; а на улице чувство, будто все тебя обсуждают, оценивают. Могут ничего не сказать, но я же чувствую, что на мне чьи-то глаза! И Махачкала в этом смысле очень некомфортный город — тут ты всегда на виду, будто голая, даже без кожи совсем, и нечем закрыться.

— Скажи, ты правда считаешь, что как только тебя что-то задело в соцсетях, надо немедленно высказаться? Ты там очень дерзкая.

— Ну, я так делаю. Я не считаю, что это правильно, честно, но я так делаю. Всё, что пишу в Интернете, я могла бы сказать менее резко, менее эмоционально. Но мне это нравится, понимаешь? Да, по-хамски, может, но сейчас я так чувствую. Раньше ещё больше грубила, сама нарывалась на конфликты.

Понимаю, что, может, я кажусь такой ненормальной, сумасшедшей. Понимаю, что у меня характер дурной, но я-то знаю, что, по сути, я человек не злобный, и у меня нет какой-то скрытой агрессии. И я не могу, когда пишут неправду, когда лгут. Во мне сразу всё начинает гореть. Одна девушка как-то назвала меня лицемеркой. Это было так обидно! Я просто быстрая, если мне кто нравится, я сразу об этом пишу. Потом он может сделать что-то, моё отношение меняется, и я снова пишу. А после снова понравится, и я не промолчу. Но лицемерие же это другое, да? А я просто честная в каждый момент жизни. А если всё время такой быть, то, наверное, получится честная жизнь, да?

— Слушай, не знаю. Не уверена, что хочу честности. Дружбы и любви, наверное, хочу больше.

— Я тоже хочу любви! Я если меня не любят, вообще ничего не сумею. Я бы и петь не научилась, если бы моя преподавательница меня не любила. Сразу замерзаю и ничего не могу. А любовь это что? Это спокойствие, тепло, это когда ты после концерта приходишь, а тебе открывают дверь и спрашивают: устала, маленькая моя? Мой дурной характер, наверное, мешает меня сразу полюбить, потому что я раздражаю. Меня трудно рассмотреть,

понять: что я и кто я... Но вот мама же придумала носить с собой мои стихи и читать их, когда злится на меня. Она читала и вся злость забывалась, она снова видела, что я классная, хорошая. Это же крутой способ! Почему все люди так не делают?

*Беседовала
Светлана Анохина*

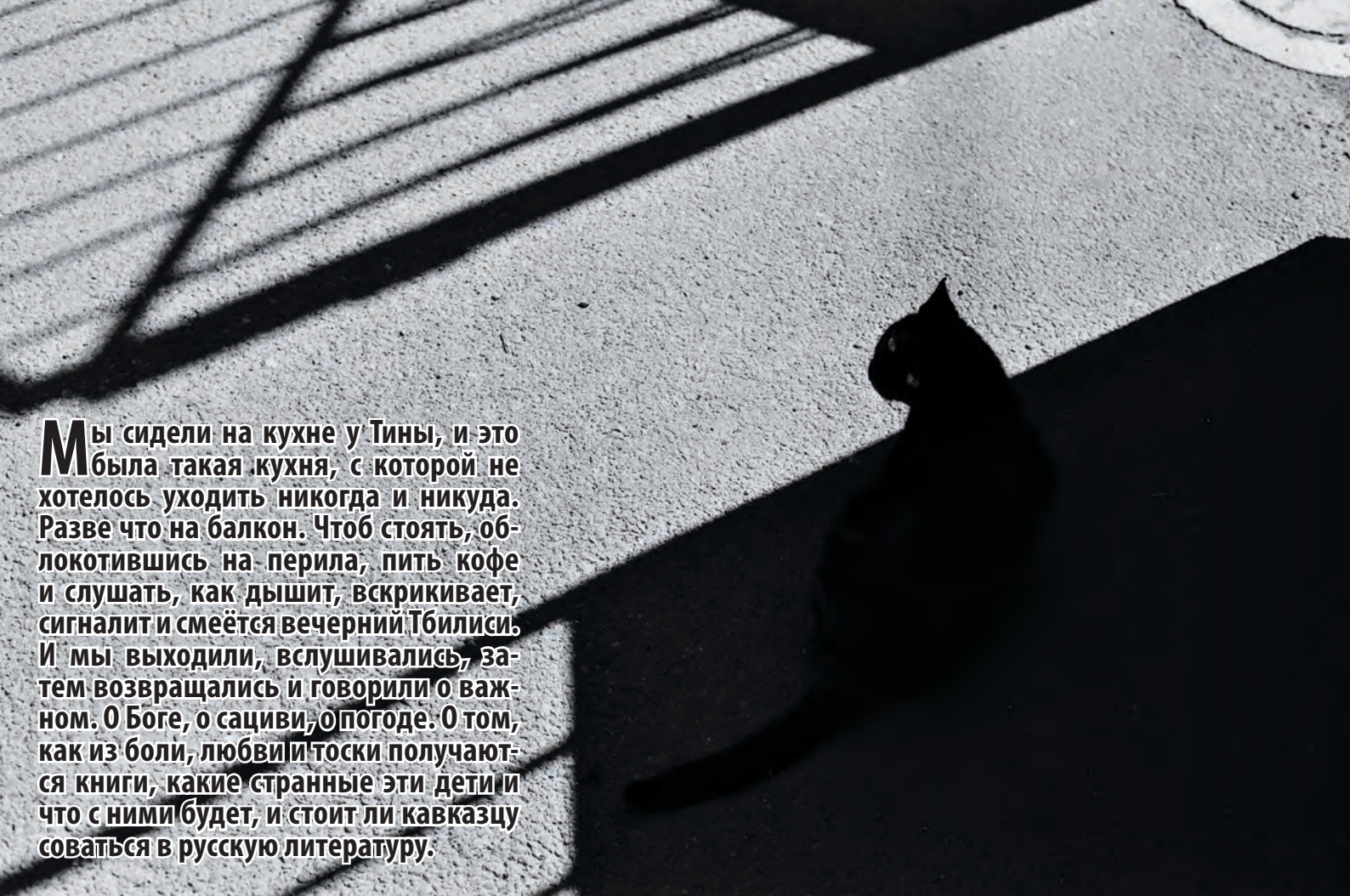

*Собака зубами крепко кошку немножко хватает.
Кошка орёт благим матом, собака её отпускает —
Собаке не нужен скандал.*

**ТИГРЫ,
ЛЕТУЧИЕ ОСТРОВА
И МАГНОЛИИ
ТИНАТИН МЖАВАНАДЗЕ**

Мы сидели на кухне у Тины, и это была такая кухня, с которой не хотелось уходить никогда и никуда. Разве что на балкон. Чтоб стоять, облокотившись на перила, пить кофе и слушать, как дышит, вскрикивает, сигналит и смеётся вечерний Тбилиси. И мы выходили, вслушивались, затем возвращались и говорили о важном. О Боге, о сациви, о погоде. О том, как из боли, любви и тоски получают-ся книги, какие странные эти дети и что с ними будет, и стоит ли кавказцу соваться в русскую литературу.

— Тина, давай сразу к главному вопросу, ты пишешь на русском и издаёшься в Москве. При этом ты у меня прекрасный грузин. Мне интересно, как себя чувствует автор, чьё тело и сердце в Грузии, а читатель в России.

— Я просто очень люблю русский язык. Люблю читать, писать, слушать, говорить на русском. То есть больше я практически никак с Россией не связана — и в универе у вас не училась, и родни у меня там нет, есть удаленная работа и множество добрых знакомых, среди которых, смею надеяться, есть и друзья. Я гражданин Грузии, которая есть суверенное государство, и мой центр мира — тут. Не в России, не в Америке, не в Турции, не в Европе — только тут. Насчёт окраин любит ваш Владимир Вольфович проехаться, потому меня и передёрнуло. Я знаю, что ты ничего такого не имела в виду, но для меня этот момент — сенситивный.

Пишу на русском, издаюсь в России — да. А потом эти книги читают в разных других местах тоже, и это потрясающе, просто технологии дали нам такую возможность — жить непривязанными к одной точке. Если

получится, хотела бы продолжать жить тут — в своей свободной независимой родине, а издаваться хотелось бы везде, где возьмут, почему нет.

Цените русский язык, он — ваше самое главное достояние, а не нефть и не ракеты.

— Я очень мало знаю про нефть и ещё меньше про ракеты. Но знаю, что у нас в Дагестане есть масса талантливых пишущих людей, и чаще всего они буксуют, отговариваясь тем, что им, как дагестанцам, заказан вход в серьёзные российские издательства. Дескать, там не любят Кавказ и если что и востребовано, то чернуха. Надо их растормошить, отчасти и потому я говорила с Наринэ Абгарян, а сейчас с тобой. Мне хотелось показать, что всё это ерунда, и они сами себе напридумывали границы. Или не напридумывали?

— Вот смотри, я иностранец для российского издателя, и мне ни разу не отказывали в издании моих книг, наоборот даже — хотя объективно никакой особенной художественной ценности в своих текстах я не вижу. И поэтому я очень сомневаюсь, что своих

же граждан будут заворачивать по какой-то политической или ксенофобской причине. Издатели — ребята очень практичные, они хотели бы на издании книг заработать; и при этом отдают себе отчёт, что хорошая репутация, новые интересные авторы, литературные премии, книжные ярмарки — всё это работает на бизнес. Неужели всерьёз можно думать, что они не любят именно Кавказ и не дают расцвести местной литературе? Не верю. Мой совет всем, кто хочет писать и издаваться: пишите! Ничего не бойтесь, ищите свой голос, ищите внутри себя, что там такого ценного, чем нестерпимо хочется поделиться с миром.

— Они найдут, не сомневайся, но потом нужно, чтоб кто-то это взял, прочёл. Вот тебе каким видится твой читатель? Он женщина? Мужчина? Сколько ему лет?

— Я сужу по своим френдам в Фейсбуке — это в основном женщины, хотя есть и мужчины тоже; а возрастной диапазон примерно наш — в широком смысле средний. Если речь о кулинарных книгах, они мне принесли настоящую популярность, и это до сих пор меня приводит в недоумение — как же так вышло-то?! А по худлит, условно говоря, — читателей поменьше, но я мало что про них знаю. Трусиха потому что и не читаю отзы-

вы. Это мои,

только мои впечатления, всерьёз же никто не изучает такие вещи. Вполне может быть, что идут ко мне из-за ностальгии, но моя-то задача больше — показать Грузию молодому поколению, без ностальгического груза, или вовсе тем иностранцам, у которых никаких сведений и мнений нет. Я хочу, чтобы увидели современную Грузию — настоящую, и немного раздражаюсь, когда вижу запрос опять на старое и привычное. Ребята, жизнь это движение! Есть и старый добрый танец «Картули», но есть уже и новый балет, и это всё растёт из одного корня.

— На что, по-твоему, клюёт твой читатель? Что ищет в твоих книгах?

— В кулинарных ищут точные проверенные рецепты, в том числе и рецепт жизненной радости. А в прозе (боже, как неловко о своих книгах говорить) — что-то такое, наверное, трогательное чувства. Я пока не выходила за пределы этого запроса.

— А если ты почувствуешь новый запрос, станешь подыгрывать ему?

— Вот это сейчас провокационный вопрос! В книгах не успеваю — их всего у меня три, а если пишу фейсбучные посты — да, бывает запрос на смешное или колоритное грузинское. Если материал есть — пишется хорошо, если вымучиваю — ерунда и дедовщина. У меня есть любимое выражение — логос не врёт: если я не чувствую сама, о

чём пишу, читатель это видит. Я ведь писать начала ещё в школе, и даже посылала свои опусы в журнал «Пионер» — прокатили, конечно же. Потом журналистика, работа в газете и на ТВ, а уж потом случился благословенный Интернет и Живой Журнал, из которого мы (сетевые писатели) вышли, как из «Шинели». Слова, язык — моя среда обитания, я же филолог какой-никакой. Если перестанут печатать, я всё равно буду думать текстами.

— Есть ли у тебя «фильтры», скажем, не писать про обострившуюся обстановку между нашими странами, удержаться от слов честных, но горьких?

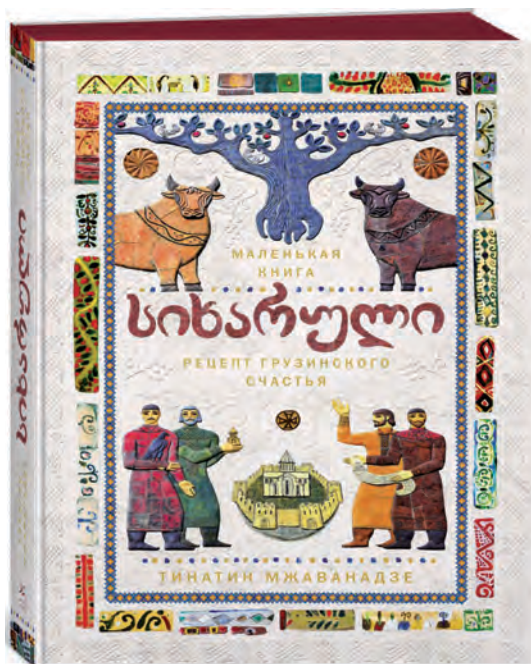
— Есть, конечно. Я не политолог, ко мне на страничку в Фейсбуке люди не за этим ходят. Но это стоит мне потом обострения нервов, поэтому в те моменты, когда не писать уже невозможно, пишу. Реакции бывают разные, но я всегда надеюсь на здравый смысл и ценность человеческих связей. Сейчас, например, как раз идут переговоры наших властей с российскими — о передаче погибшего в Цхинвали гражданина Грузии. Уже и патриархи подключились, но пока безрезультатно. Речь идёт о том, чтобы сделать экспертизу и установить причину смерти — однако не передают, и всё тут. Это всё ужасно, и опрокидывает все наши добрые отношения. Иногда мне хочется всё

бросить и перестать писать на русском. Но ведь надо, чтобы был какой-то нормальный разговор между нами!

Пару лет назад у меня была в гостях подруга из Москвы, и что-то ей стало нехорошо — пришлось вызвать скорую. Так вот, врачи скорой, когда узнали, откуда пациент, вообще забыли, зачем их сюда позвали, и давай наперебой ей рассказывать, как замечательно живётся врачам в России, какие у них там баснословные зарплаты и какие там легендарные академики, «особенно евреи». Бедный московский гость хватал ртом воздух и не мог даже спеть протестную арию, а я подленько хихикала и не вмешивалась.

Я одно время думала, что на мне держится вообще всё, весь мир и благополучие, — слава небесам, мания величия ушла. У меня есть своя маленькая миссия — рассказывать о том, что знаю и вижу. Хорошо бы, кстати, кто-то на грузинском рассказывал так же про Россию нашим — чтобы они поменьше верили в мифы.

— Грузии в пространстве русской литературы отведено особое место — вымечтанного близкого и недостижимого рая. Помнишь у Окуджавы в «Путешествии дилетантов» Мятлев и Лавиния раз за разом всё бегут и бегут в Тифлис, но не могут остаться там? Как во сне. И есть в этом что-то нежное и болезненное.

— Мне кажется, всё на поверхности: климат, тепло, еда хорошая, жильё дешевле, люди понимают русский. Если есть работа — удалённая или стабильный доход, то здесь жить можно прекрасно. Но ведь много куда едут! Гоа или Таиланд — тоже можно сказать, что болезненная страсть. Просто там тепло, расслабленно, море, фрукты, местный народ мирный. Но у Грузии есть некоторые преимущества — у нас было общее культурное пространство, и это, конечно, уникальная и бесценная вещь, как бы я ни относилась к СССР. И растиражированный в тогдашнем кино образ фантазмагоричных грузин, у которых театр — это повседневность, имеет под собой основания. Иногда это утомляет, но мы в этом живём.

— Ну, у вас почти все будто специально выписаны для постановки! И свои чудачества не прячут, культивируют.

— Покупали мы квартиру с мужем много лет назад, пришли смотреть — тогда ничего не строилось, можно было только из старых квартир выбирать. Хозяин был «философ и кинолог», как он сам сказал, обожал природу, мечтал продать городскую квартиру и обзавестись поместьем; разводил на балконе индеек, и собаки у него там жили стаей. Мы тем временем озирались в ужасе — по стенам были развешаны дюбели с верёвочками-шпагатами — знаешь, такие волосатые? И вот на них висели высушенные рыбки пузыри, поблескивая перламутром. По всему дому! Это были все его трофеи, видимо.

Кроме того, он плёл из прутьев фрагменты плетней — они валялись по всей квартире и мешали передвигаться, кое-где служа перегородками. Когда мимо нас прошла его жена и мельком глянула на своего мужа, в её глазах на мгновение сверкнуло что-то такое смертоносное — и я поняла, почему у них в гостиной висела копия «Юдифи и Олоферна» в натуральную величину.

Или, например, родня моего мужа, его бесчисленные тётушки и кузены — это же никакого сериала не надо, просто садись поудобнее и смотри, прихлёбывая чай. Тут живо, горячо, интересно, утомительно, ужасно, и все вместе, может, в этом всё дело?

— Ну да, я помню, как у вас случилось наводнение, и дикие звери гуляли рядом

с твоим домом. И в этом не было ничего удивительного. Ну да, вот Тина, вот звери рядом ходят — Тбилиси!

— Это маркесовский мир, в котором трудно жить, но про который так упоительно читать. Я в те дни, когда искали последнего тигра, должна была рано утром ходить кормить собаку и кота своей подруги. И каждая уличная кошка представлялась тем самым хищным зверем, я всерьёз репетировала свою

линию поведения, как я буду его уговаривать не есть меня, и усмирю. Когда тигра нашли мёртвым, было такое ощущение утраты, потери остроты жизни, как будто летающий остров пролетел и зацепил нас слегка, а потом исчез за облаками и больше не вернётся.

— Кстати, про утраты. Ты же сама не тбилисская девушка, ты батумская. И в твоих текстах о Батуми звенит такая тоска.

— Ох, Света. Батуми — это маленький портовый город, построенный не так уж давно специально для нефтеперерабатывающей промышленности, хотя поселение там древнее. С Тбилиси он не сравнится во многих смыслах, но какая разница мне, батумской девочке, если я каждое утро, открывая окно, ощупываю воздух на предмет запаха моря и кофе? Уже мысленно собираю манатки, чтобы жить там. И по дождям скучаю, и по мокрым листьям магнолий, и по

рёву шторма ночами, и по всему невыносимо любимому. Это всё — только моё. Но Тбилиси — это великий город. Настоящая классическая мировая столица на семи холмах, разделённая рекой, с колоссальной энергетикой, мифологией, способностью восставать из пепла как Феникс, сильный и витиеватый город. Его я люблю совсем по-другому, с почтением и немного отстранённо.

— У нас с тобой общие культурные коды, общие смыслы и книжки — Маркес, Борхес, Кортасар в одной лодке. Но народилось новое поколение, те, кто не застал ни СССР, ни книжек наших; те, что на английском стрекочут лучше, чем на русском. Какие они у вас?

— О, это мои самые любимые люди, и мои дети, и чужие; мне всё время хочется распластаться так, чтобы закрыть их от всех опасностей. Дети тут потрясающие, талантливые, свободные, добрые и, слава небесам — нетравмированные. Ну, не все, конечно, — здесь жизнь тоже разная. Но от нас они отличаются, прежде всего, тем, что у них гораздо меньше предрассудков и внутренних ограничений в восприятии мира. Мы жили за забором — и это до сих пор трудно убрать, а они живут в одном огромном дворе, в котором есть ворота, — можно открыть и перейти в следующий двор, или сад, или лес, или выйти к океану. Кстати, про языки и связанные с ними странности: у меня в семье у всех было и есть обычное грузинское образование — начиная с родителей, братья-сёстры, муж и дети, и только я попала в русскую школу, а потом и в универ. Дома мы говорим на грузинском, если гости русскоязычные — переходим на русский, а когда одни — опять на грузинском. Но если я сердита и выговариваю домашним — палю на русском! За это меня, наверное, можно привлечь к какой-нибудь ответственности. И можно было бы считать меня уродом и мутантом, но дело в том, что наш младший сын Мишка пошёл в мать — блестяще владеет английским и гораздо проще живёт на нём: пишет рассказы, болтает с друзьями, учит уроки. Все остальные языки ему не подошли! Почему так происходит — надо спросить у учёных, лично я ничего не понимаю.

— Погоди, а Мишка и Сандро читают твои книги?

— Не читают! И шарахаются от меня, если я их фотографирую. Баста, карапузики, — я уже не могу их использовать в своих корыстных целях. Мишка попробовал один раз прочитать книгу про них же самих («А также их родители». — *Ред.*), но через пять минут убежал. Наверное, это правильно. Я довольно много писала о 90-х. В новом грузинском кино 90-е просто какая-то навязчивая идея — все фильмы крутятся вокруг этих лет, и уже пора отходить, начать жить сегодня. До сих пор многие факты тогдашней жизни не оценены, не рассмотрены, не переработаны; это связано с противоречиями в самом обществе, радикальными противоречиями, поэтому тут на один и тот же факт

могут жить разные точки зрения. Для меня в эти годы в моей личной маленькой жизни случилось довольно много всего: и упадок, и расцвет, и разочарования, и любовь, и семья, и трудности, и молодое веселье — всё вместе.

— Не возникают ли возле тебя мудрые люди, что бухтят и призывают, мол, брось, Тинатин, это всё, пиши на грузинском, вернись к корням!

— Меня никто ни к чему не призывает — кроме того, чтобы поскорее подать ужин! Корни тут всегда на месте — нам предки столько всего оставили, что можно на этом богатстве паразитировать ещё не одно поколение. И в Грузии меня как писателя мало кто знает, кроме ближайших друзей, — ну и, слава Богу, так спокойнее. У нас сейчас тут расцвет писательства и издательского дела. Куча книжных магазинов, презентаций новых книг молодых авторов, переводы мировых бестселлеров; и это так здорово, что есть разные, разные писатели. Есть и толстые литературные журналы, и там печататься престижно — всё путём. Иногда скандалы настоящие литературные бывают, мне от этого только весело. Я пока там не печатаюсь — на русском же пишу. Но когда-нибудь, возможно, соберусь с силами, напишу на грузинском, и напечатаюсь тоже!

— Ты не только писатель и кулинар, ты ещё блогер. И для русского Интернет-пространства в некотором смысле представляешь свою страну. Накладывает ли это на тебя какие-то дополнительные обязательства, и какие именно?

— Накладывает, моя птичка, и иногда я думаю: может, очень зря так загоняюсь, и надо освободиться от этих проклятых наложений, и писать совсем свободно, что вздумается и в голову взбредёт? Факт, что есть ощущение необходимости перемен. Дети для меня самые важные люди, и я чувствую, что должна только им, а больше никому. Всё, что я делаю, должно работать на их будущее, а значит — и на страну, которая им родина. Всё, что делают и говорят родители, отражается на детях. Значит, стать собой в полном смысле слова, стать лучшей версией себя — самое важное обязательство для меня.

Беседовала Светлана Анохина

Алибек Омаров

Тайна его ведома лишь Богу

За проявлениями любви и преклонения, часто раздражающе чрезмерными и ставшими бездумно привычными, непременно сопутствующими имени поэта, силишься представить себе бывшего сельского судью Магомед-Эмина, после тяжёлой многолетней болезни умирающего в один из осенних дней 1884 года.

Он был отпрыском известного, уважаемого рода, представители которого традиционно отправляли обязанности кадиев в разных сёлах. Правда, Магомед-Эмин и шестеро его братьев и сестёр рано лишились отца, а следом и матери. Но ещё в юности, заняв должность умершего отца, он сам начал исполнять обязанности судьи общины, состоящей из семи маленьких сёл.

Умел ценить земные блага. Семья жила в достатке, дом — пожалуй, лучший в родном селе Ялцуг. По врождённому, развитому чувству справедливости, как и через край бющемуся жизнелюбию, Магомед-Эмин не мог не иметь недоброжелателей. Зато и друзей, и знакомств обрёл во множестве среди известных людей Кюринского виаята и за его пределами.

И надо же было такому случиться: за двенадцать лет до своей кончины, возвращаясь ночью от окружного судьи, он упал и сильно порезал ногу. Случай не бог весть какой, но рана так и не зажила. Развилась болезнь, вынудившая его отойти от дел, а впоследствии — слечь окончательно. Вдобавок к мучениям и семья впала в бедность и вынуждена была поочередно продавать то участок пахотной земли, то с любовью взращённый фруктовый сад. Отошли в сторону многочисленные прежде друзья и знакомые. Вконец изведённый болезнью, в 46 лет он сошёл в могилу...

Значение же поэта Етима Эмина с течением лет и десятилетий только возрастало.

Ещё при жизни его стихи пели ашуги, они переписывались в рукописные книги и обычными ценителями поэзии, и высокообразованными людьми эпохи. Силе притяжения его гения уже никто не мог противостоять в лезгинской поэзии. Здесь уместно вспомнить высказывание Гаджибека Гаджибекова, находившегося у истоков дагестанской филологической науки: «Большинство лезгинских

поэтов считает его своим учителем». И другой малоизвестный, но многозначительный факт: когда в начале 30-х годов к столетию Эмина готовился к печати сборник его стихов, большая часть их была продиктована Сулейманом Стальским. Прославленный ашуг, бывший ещё мальчуганом в год смерти своего предтечи, надо полагать, наследие последнего усвоил основательно.

Чувство присутствия Эмина в жизни входит в человека так рано, что оно кажется врождённым. Лезгины выбрали его, говоря словами другого поэта, «не навязанного никем», по внутренней потребности народного духа.

На определённом этапе фигура такого масштаба и значения, как правило, появляется у каждого народа, превращаясь затем в абсолютно необходимое явление, без которого, при взгляде в прошлое, не представляешь себе последующего развития.

Эмин был неиссякаемо плодотворным поэтом. По семейным воспоминаниям (приведены журналистом и писателем К. Казимовым в его работе «Предания об Эмине»), прикованный к постели поэт, привыкший исписывать углём стены, на упреки жены любил повторять: «Если даже вся твердь земная превратится в бумагу, а моря — в чернила, не запишешь всех стихов, рождающихся в моём сердце». По словам одного из внуков, бабушка Тюкезбан, пережившая мужа почти на три десятилетия, помнила его «тысячу стихотворений». Записано и такое: «Бумаги со стихами Эмина хранились в сундучке на ножках, так туго набитом, что когда его открывали, крышка сама откидывалась».

Однако до нас дошла лишь незначительная часть эминовского наследия. В последний, наиболее полный сборник «Не наглаголюсь на мир» вошли 145 стихотворений (для сравнения: в книжечке 1941 года, самой ранней из ещё доступных, их всего 29). Но и этого не так уж мало сравнительно с тем, что осталось от многих других наших поэтов прошлого. Не считая коллективных сборников и антологий, на русском и лезгинском языках книги Эмина издавались 13 раз, что, пожалуй, больше, чем у кого бы

то ни было из дореволюционных дагестанских поэтов.

Не скажешь, что ему не воздавали должное в критике. «Равного Эмину, как лирику, нет в лезгинской поэзии», — отмечал Г. Гаджибеков. Крупнейшим лезгинским поэтом считал его Э. Капиев. «Вчитывались» в Эмина и многое верно сумели уловить в своеобразии его творчества Н. Тихонов, Н. Капиева, В. Огнев, К. Султанов. Хрестоматийно воспринимается он среди других классиков: «Аварец Махмуд из Кахаб-Росо — стихийный бунтарь... кумык Ирчи Казак — защитник чести и справедливости... даргинец Батырай — певец высоких чувств... лезгин Етим Эмин — совесть эпохи...» (Э. Кассиев).

Однако приходится признать, что понастоящему широкого «русскоязычного» читателя у Эмина нет. Он не относится к поэтам, ставшим на русском языке «своими». И не потому, что нашего классика не переводили. В разные годы к его наследию обращались с десятком переводчиков, в том числе известных мастеров, много и успешно переводивших с северокавказских языков.

То, что они не «звучат», ясно каждому, кто знаком с оригиналами. Для наглядности приведём начало стихотворения «Красавица Тамум» раннего Эмина:

Гуъзел Тамум,
Ая фагъум,
Зи чанда гум
Къекъвезава...

Стихи традиционные: он, как и положено, страдалец любви, возносится мольбами и увещеваниями к ней, вдруг охладевшей, жаждет её прежнего благорасположения к себе. Яков Козловский переводит так:

Прекрасная Тамум,
Опасная ханум, (!)
Ты в плоть вливаешь пламень, (!)
Блаженно кружишь ум... (!)

И стихотворение ведь не из худших, давно ставшее песней, — оно известно каждому лезгину. Переводы наподобие этого

кочевали из издания в издание, складывая представление об Эмине.

Конечно, была и более профессиональная работа некоторых переводчиков, были и относительные удачи, но общей картины они не меняли. На этом фоне последние по времени переводы А. Кардаша, по устоявшемуся мнению, выглядят предпочтительнее. Действительно, 35 стихотворений, изданные им в 1990 году в книжечке «Душа», напоминают эффект переводной картинке: в них поэтический мир Эмина предстает без пелены многих предыдущих переводов. Для сравнения приведём несколько строф о той же красавице Тамум.

Я. Козловский:

*Дни прежних встреч благи,
Не жги мосты, не жги.
Зачем, чтобы враги
Смеялись надо мной?*

*Тебя ли не шайтан,
В свой залучив капкан,
Коварно ввёл в обман
Однажды под луной?*

*Земная из богинь,
Эмина не покинь,
Чья жизнь и так — полынь,
Красавица Тамум!*

А. Кардаш:

*Мой враг злодей
Меня сильней.
Боль от людей
Скрываю я.*

*Разлуки злой
Боюсь с тобой.
Души покой
Теряю я.*

*Ты знай: Эмин
Судьбой гоним.
Рой бед над ним...
Сгораю я.*

Второй перевод, безусловно, ближе к оригиналу и в мастерстве его автору не откажешь. Однако и в переводах А. Кардаша исчезает что-то очень важное от сути эминовской поэзии. Некогда о своих переводах А. Пушкина на французский В. Набоков писал: «Как только берёшься за перо переводчика, душа этой поэзии ускользает, и у вас в руках остаётся маленькая золочёная клетка».

Почему же таким сложным оказался переход эминовской поэзией языковой границы? Наверное, не бывает большого поэта без тайны собственной поэзии. Ответ на поставленный вопрос означал бы и проникновение в тайну Эмина, тайну его воздействия на людей. Но она ведома лишь Богу и, не обольщаясь насчёт своих возможностей, я могу

высказать лишь некоторые, лежащие на поверхности соображения.

Безошибочно можно предположить, что у старых дагестанских авторов переводчики настраиваются встретить образцы традиционно привлекательной «горской» поэзии, которую издавна умеют высокохудожественно переводить. Творения же Эмина не отличаются отчётливо выраженным горским романтизмом. Внешне он не так колоритен, точнее, у него другой колорит. И подход к нему должен быть другим, чтобы он стал понятнее, полнее раскрывался.

Особенно не повезло переводам его ранних стихов, и не без основания. Весь ранний Эмин прошёл под знаком восточной поэзии. Начиная писать на тюркском. Некоторые его стихотворения, например, известнейшее «Тюкезбан», имеют и тюркоязычные варианты. Он переводил произведения Физули, Вагифа, туркменского классика Махтумкули, писал на них вариации. По их правилам, одновременно вступая с ними в соперничество, творил на родном языке. Однако там, где на родном языке Эмин умел вдыхать жизнь в образы, казалось бы, далеко не оригинальные, где у него даже штамп облекался свежестью новизны, в переводах на русский получается что-то похожее на искажённые восточные стихи.

Ситуация усложняется и тем, что при всеобщей любви к Эмину, позволю себе заметить, лезгины сами пока плохо читают его. Как тут не удариться в банальность: любовь-то бывает и слепой.

Бытующий (с лёгкой руки советского теоретика литературы А. Квятковского) подход к подразделению лирики на четыре основные тематические категории: философскую, гражданскую, пейзажную и любовную и попытки анализа на этой основе в некоторых случаях, хотя и оправданны, но мало что добавляют к нашему пониманию Эмина. Более того, при всей кажущейся стройности складывающейся картины «разнообразного и богатого» творчества поэта, по сути, всё оказывается смешанным в одну кучу. Творчество его, действительно, очень разнообразно, но не только тематически: он менялся, действительно менялся, с течением времени.

Эмин родился певцом счастья. Мир, сияющий солнцем, не был для него ни чужим, ни враждебным, а жизнь казалась Божьей благодатью. Едва ли в то время ему приходило в голову назвать себя «етимом» («сиротой, обездоленным»), «подписывался» под своими стихами и просто Эмином, и как «Эмин гада», то есть «Эмин-парень». Радость для него являлась нормой существования. Эмина-парня не представляешь себе иначе, как на празднике жизни, и главные на этом празднике — Он и Она. Он — симпатичный, искрящийся радостью и смехом, всегда влюблённый, а если и страдающий, то, скорее всего, понарошку. И она — красавица, конечно, гордая и равнодушная, капризная и лукавая, но всегда желанная, воспетая по всем правилам восточной поэзии.

Однако уже в этом условно-поэтическом мире нет-нет да проглядывают реальное село, улочка, идущая по воде селянка, а со временем дымка условности рассеивается бесследно. И единственным источником вдохновения Эмина становится реальная действительность. Пожалуй, нет ничего даже самого обыденного и повседневного, что он не умел бы превращать в стихи: кража лопаты и поведение зловредного кота, повадившегося лакомиться вяленным мясом; досада хозяина занемогшего красного быка и урожай груш из сада друга... Словами того же В. Набокова, он умеет улавливать «живописную правду жизни», «при которой самые простые вещи раскрываются перед нами в своём особенном блеске». Совершенно другая поэзия! Как будто это и не тот Эмин, который так успешно, играючи учился у классиков Востока.

Женщина, раньше появляющаяся только в образе красавицы, предмет воспевания и преклонения, обретает обличье совершенно непоэтических «старухи-ведьмы» или сварливой жены. И возлюбленная становится иной, как, скажем, в стихотворениях «Не говори со мной», «Обманувшей возлюбленной», «Семь лет, как люблю тебя». Земная женщина. Которая осчастливить может настоящего, невзлюбить — тоже, а некоторыми своими повадками и боль доставить — очень даже настоящую. Отринуты вос-

хваления, сравнения с джейраном и райским цветком, лебединая походка и коралловые губы. Вместо всего этого — глубокое проникновение в жизнь сердца, переданное и теперь не устаревшим, вернее, непревзойдённым, лезгинским языком. Эмин-парень, бывало, захлёбывающийся от радости перевозанно-неомрачённого бытия, также изменился — теперь это человек возмужавший, глубокого ума, переменчивого настроения, охваченный недобрými предчувствиями, застенно-насмешливый, иронизирующий.

Именно стихи этого периода дают ощущение контакта с настоящим величием. Могучий поэтический дар вливает в его язык небывалую прежде силу, и он обретает полноту и способность самовыражения, заставившую окончательно перейти на родной язык последующую лезгинскую литературу.

Думаешь: а сам поэт, творивший и на тюркском, повседневно обращавшийся и к арабскому, представлял ли себе значение сделанного им?..

Недолгим оказалось пребывание поэта в мире юности; всё изменилось, и сам мир изменился, всё настойчивее углубляется он в

думы о его устройстве и всё чаще возвращается к мыслям о его обманчивости. Прежний жизнерадостный Эмин-парень всё непреодолимее чувствует себя «сиротой, обездоленным». Жизнь сердца становится всё более тревожной. И наконец, окончательно складывается образ «бренного мира», мира-хаоса, без «счастливых дней сиянья», с «убитыми мечтами о славном». И в этом «мире-челне с тоской» — оставленный всеми поэт наедине с Богом, к которому он возносится с безответными вопросами: «Как мне быть, Боже правый?», «с какой целью создан я Тобою?...»

ливое нитьё и придирки больного человека у него выплавляются в непревзойдённые образцы поэзии.

Медленно, мучительно угасая, он обращается к основополагающим вопросам бытия и человеческого общежития. В своих стихах он и раньше нередко учил людей. Но обычно скрывая это под улыбкой, иронизируя, инсказательно. Теперь же он с прямой горячей проповедью обращается к людям, по его разумению, забывающим много важного в вопросах чести и достоинства.

До сих пор лезгины ещё ничего не отвергли в его предсмертных проповедях. В

Несмотря на традиционную религиозность, он был очень земным человеком, и к миру, так неладно устроенному, «отвернувшемуся» от него, тянулся всеми помыслами души. В минуты духовного озарения удивительно просветлённым взглядом улавливает он немеркнущую, неизбывную красоту всего сущего. Стоны гнева и тоски, даже надоед-

сознании народа он утвердился в ореоле великомученика — будто однажды он, приняв чужую боль, отболел за каждого, за всех нас. И непреходящая любовь к нему — как попытка отблагодарить. Народ воздаёт должное великому поэту, человеку доброго сердца и ясной души, несмотря ни на что беззаветно любившему жизнь и людей.

Магомед Бисавалиев

«Абрек» Хавал Мухама и его молитвы

— В селении Тохота, где я работал в середине 70-х годов прошлого века, был один набожный человек, — начал отец.

— Нурмухаммад? Учёный-богослов... я слышал, что он ещё при Советах учился то ли в Самарканде, то ли в Бухаре, — говорю я, чтобы поддержать разговор.

— Нет. Я не о нём. Нурмухаммад, о котором ты говоришь, был действительно учёный; очень чистый, набожный человек, отшельник, аскет. Он спал на тонком сумаче, фактически не спал, делал ибадат (богослужение) и всё время молчал. Мало кому удавалось с ним побеседовать. Сам он был юристом шариата, знал блестяще исламское право (фикъги). За два года моей работы в их селе лишь один раз услышал я голос этого человека, хотя мы многократно виделись в общественных местах. Он отвечал только тогда, когда с исламскими вопросами к нему приходили люди, но сам с проповедями никому не навязывался...

Меня заинтриговал ответ отца в начале беседы — «не о нём, не о Нурмухаммаде

речь». Я чувствовал, что будет рассказ о необычном человеке.

Отец продолжил:

«Был ещё один набожный человек в Тохота. Его звали Хавал Мухама. Он, как Нурмухаммад, с рождения религиозным не был. В молодые годы он попал в нехорошую компанию. Был у него из того же Тохота друг — абрек, тохотинцы называли его Чехь Мухама (чехь — живот, пузо. Пузатый Магомед получается на аварском. — Авт.); он тоже прятался от органов, они вместе с Хавалавом «партизанили» в молодости: крали коней, угоняли скот, — что попадётся, то и делали.

Сам Хавалав по натуре был человеком не злым. Он случайно оказался среди абреков и, судя по всему, не мог от них уйти.

В середине 30-х все бандформирования в Антратле и в цорских лесах были ликвидированы силами НКВД. Оставались ещё несколько человек, которые не составляли большой угрозы для органов власти, но и с повинной к новой власти они не явились.

Таковыми были Хавалав и его друг-абрек Чехь Мухлама из Тохота. Они свободно приходили в село к родне, а чуть что — убегали и уходили в Цор.

Однажды поздней осенью Хавалав и Чехь Мухлама, сидевшие на веранде одного из домов в Тохота, увидели, как двое работников НКВД перешли речку и направляются в аул. Абреки убежали обходными путями к реке Джурмут, надо было перейти через деревянный мост и оттуда направиться в Цор. Когда они дошли до середины моста, навстречу вышел человек и крикнул:

— Руки вверх!!! Не двигаться!!!

Хавалав сперва поднял руки, потом лёг прямо на мосту лицом вниз, не шевелясь. Его дерзкий друг резко повернулся обратно, но, увидев и там человека с ружьём, камнем бросился вниз. Раздались выстрелы. С обеих сторон вдоль реки бегали работники НКВД. Они расстреляли бросившегося в воду абрека, труп унесло течение. Хавалава взяли живым.

По рассказам тохотинцев, ему как-то удалось доказать милиции свою невиновность, и вскоре он был освобождён. Он жил в Тохота, когда я работал там директором школы. Каждый день он направлялся к речке возле аула. Там в укромном месте был небольшой навес, куда люди приходили молиться. Здесь и пропадал целыми днями Хавалав. Однажды он остановил меня и сказал:

— У меня корова упала с кручи. Говорят, государство даёт компенсацию в таких случаях. Ты не можешь мне помочь, Исмаил, в этом вопросе? Там, в районе, мой язык не поймут и дальше порога меня не пустят, если пойду с этим вопросом. Если можно, помоги.

Я сдал необходимые документы в госстрах, и мой приятель пообещал как можно быстрее решить этот вопрос. Вскоре мне сказали, что Хавалав получил деньги из госстраха. Я не видел в том своей заслуги, ведь деньги эти причитались Хавалаву по закону.

После этого прошло не очень много времени. Была ранняя осень. Субботний день. После рабочего дня я сел на своего гнедого иноходца и направился домой, в Салда. До-

скавав до речки, к месту, где в тени навеса любили молиться многие тохотинцы, я увидел Хавалава. Он как раз встал со своего места и собирался обратно в село. Увидев меня, он поднялся на дорогу навстречу мне. Я слез с коня, поздоровался, спросил о самочувствии. На все вопросы он отвечал с большим уважением и благожелательностью. За всё старик благодарил Аллаха. Попрощавшись, я хотел сесть на коня, но он подошёл и взял коня за узду:

— Исмаил, я ничего не забыл. Ты меня выручил в том вопросе, я деньги получил за корову...

— Да бросьте вы, дядя Мухлама, это ваши собственные деньги, какая тут благодарность!

— Послушай меня, Исмаил, я старый, недолго проживу ещё. Жизнь на закате. За твоё добро что я могу сделать? Денег у тебя больше чем у меня, ты молод, при должности, я не знаю, что тебе дать...

Желая дать понять, что не стоит об этой мелочи говорить, я вдел ногу в стремя и сел на коня. А Хавалав всё не отпускал узду, хотя конь мой бил копытом, готовый ветром унести меня с места. Он продолжал разговор снизу:

— Что я могу тебе дать?.. Я могу тебе один совет дать...

— Вот совет дать можно! — обрадованно сказал я, надеясь, получив совет, поскорей направиться домой.

— Ты, Исмаил, никогда... никогда в жизни не пропускай намаз — это мой совет, намаз не пропускай, если даже ты директор школы.

Я молился, когда оказывался в кругу людей, которые молятся. Он знал это. Когда возвращался домой и оставался один, тоже молился, но пропускал тоже очень много. То было время вопиющего невежества и безбожников. Из-за этого очерствели души. Но я находил оправдание, теша себя мыслью: хорошо хоть, когда есть возможность, молюсь, и не уподобляюсь этим безбожникам. Вот такие ухищрения шайтана вводили в заблуждение нас.

— Хорошо, дядя Мухлама, не пропущу, не всегда получается из-за работы, постараюсь

не пропускать, — сказал я, попрощался со стариком и продолжил путь.

Когда я оглянулся, фигура согбенного старика медленно удалялась, с большим трудом преодолевая путь к своему дому. Я был молод и полон сил. В кармане деньги, подо мной красивый конь-иноходец, хорошая для того времени одежда, и казалось, что я таким родился, а Хавалав будто всегда был старым. Над его советом «не пропускай намаз» я, одурманенный молодостью и парой сотен грамм кахетинского, смеюсь и думаю: «Кто не знает, что молиться лучше, чем не молиться. Ну и совет у тебя, Хавалав».

Через пару лет я перевёлся обратно в Джурмут директором школы.

Пятьдесят лет я проработал в системе образования, но время это пролетело как мгновение. Свою работу я обожал. Вышел на пенсию, начал размышлять о прошлом и осмысливать пройденный путь. За годы работы мне доводилось встречаться со многими, считающимися умными, образованными, людьми — с докторами наук, с высокопоставленными чиновниками. Вос-

становившая в памяти вереницу минувших событий и явлений, лица, образы, людей, и прокручивая их в голове, я пытался понять, что же было самое ценное, самое важное и самое стоящее в моей жизни. Оказывается, всё было ничтожеством и самообманом. Когда мысленно пропустил всё через сито времени, обнаружил, что остались только, как желанные крупы золота, те до безобразия простые слова Хавалава из Тохота, над которыми я смеялся в возрасте 35 лет: «Вореха, Исмагил, дульа как толу гуй!» (Исмаил, никогда ты намаз не пропускай!).

Сегодня мне приходится с большими ногами по несколько часов мучиться после каждой молитвы, чтобы наверстать упущенное, и каждый раз я вспоминаю этого мудрого старца и делаю дуа за упокой его души. Совет-то он дал ценнейший, беда в том, что я это понял слишком поздно. Хавалав оказался самым мудрым человеком в моей жизни», — сказал отец и замолчал.

И мы за столом молчали, ибо любое слово было бессмысленно.

Как шайтаны и люди встречали моего отца

В прошлый раз отец рассказывал о некоем Хавалаве из Тохота, который превратился из абрека в проповедника. Но последующая история отца не менее интересна, она тоже связана именно с тем периодом.

«Расстался я с Хавалавым у тохотинской речки и направился в Салда. Когда спустился по крутому серпантину к месту, где сливаются воды Тлянадинской и Джурмутской рек, стемнело, — начал отец свою новую историю. — Конь подо мною был надёжный: не пугаясь, перешёл реку вброд и крутой подъём в сторону Джурмута преодолел, как будто дорога пролегла по равнине. Неподалеку от Тлубурда я услышал голоса и незнакомую заунывную песню на старинную мелодию. Меня очень заинтересовала эта компания, и я пустил коня вскачь. Бег коня был подобен аэроплану, ровно и красиво рассекающему облака в небе.

Лунная осенняя ночь, перестук копыт, шум реки и песня, которая звала и манила, сложились в картину, где время будто застыло. Прошлое и будущее слились, как Тлянадинская и Джурмутская реки. Я гнал сквозь ночь своего коня, звучала песня, и казалось, так было с начала времён, и будет длиться вечно — вплоть до Судного дня.

Дальше Тлубурда, ты должен это место помнить, дорога петляет через каждые 50–100 метров. Голоса людей и песня звучали совсем близко. Я думал, ещё один поворот — и я увижу пламя костра и тёмные фигуры людей перед ним. Но стоило мне повернуть, как голоса и песня исчезли, будто и не было их. Кругом гробовая тишина ночи, шум Джурмута и конь подо мной кружит на одном месте и не может отдышаться. Тут запели опять, но уже сзади, оттуда, где я проехал минуты две назад. Но как такое

может быть? Там узкая тропинка и кругом отвесные скалы.

Я застыл на месте, почувствовал себя совсем маленьким и беззащитным перед лицом чего-то необъяснимого и пугающего. А песня и голоса звучали всё громче, будто догоняли. Тут меня охватил настоящий страх. Думаю, вот он, мир шайтанов и джиннов, над которым я насмеялся, когда люди говорили о них. Я вскочил на коня и пустил его во весь опор. Ещё метров пятьдесят меня сопровождала эта загадочная, непонятная песня и голоса людей...

Мало кому я об этом случае рассказывал — могли принять за сумасшедшего. Те немногие, кто услышал это от меня, вполне спокойно отнеслись к истории и объяснили, что есть там места, которые по преданиям считаются территорией шайтанов.

Пару дней я думал о случившемся, а после решил забыть. Забыл. Вернулся к обычному рабочему графику директора Тохотинской школы. Наступила зима. Начались холода. Я жил у своего кунака Абдулы. Он был очень добропорядочным, совестливым мужиком, относился ко мне, как к родному сыну. Со всеми тохотинцами я подружился. Однажды решил на выходные к себе, в Салда, пойти. После работы зашёл к кунаку, попрощался с ним и отправился в путь.

В предвечернее время я вышел из Тохота. К вечеру прошёл Тлянадинскую речку и приблизился к Тлубурда — к тем серпантинам, где мне осенью шайтаны концерт дали. Я о них забыл и не вспоминал, пока не дошёл до того места, где услышал тогда песню. А когда вспомнил, мне как-то нехорошо стало на душе.

Смотрю на дорогу и вдруг вижу: на том месте, где шайтаны устраивали мне концерт,

горят какие-то непонятные огоньки. И мало того, что горят, так ещё и не стоят на месте, перемещаются. Дрожь по телу прошла. Стою на одном месте посреди тропинки и думаю, откуда же тут огни и свет, если ни одного села нет поблизости?

И как мне быть? Стоять, пока исчезнут огни, нет смысла. Вернуться обратно в Тохота невозможно: лучше тут умереть, чем с этим позором явиться в чужое село. Что я там скажу, что на дороге огни горели?

Решил — будь что будет, пойду прямо. Сердце с каждым шагом всё сильнее и сильнее билось. Вот я на расстоянии пятидесяти метров, двадцати, десяти метров... Огни всё там же, никуда не пропали. Сверху и снизу отвесные скалы, узкая тропинка, и мне никак не разминуться. Ноги тяжёлые стали, но я шагал. Подошёл совсем близко, на расстояние вытянутой руки; один огонёк пропал, другой горит. В полумраке перед моими глазами возникли две человеческие фигуры, сидящие у тропинки. Я, сам не понимая, что делаю, крикнул:

— А-е-е-е!!!

— Я ле валлагь!!! — ответил один, и оба встали. Дрожь прошла по телу, я как вкопанный стоял на месте и не мог ничего сказать. Тут один из них бросает огонёк на тропинку и наступает на него. Всё сразу встало на свои места. Я почувствовал запах табака, пугающий меня огонёк стал тем, чем был в действительности — горящей сигаретой, а «шайтаны» — обычными путниками.

— Ты же Исмаил из Салда? Наш директор... Что с тобой? — спрашивает человек в темноте.

Я узнал его по голосу, это был мой знакомый из Саниорта. Они с другом работали в Джурмуте и сейчас возвращались домой. Остановились передохнуть и курили у дороги. Мы пообщались недолго. Я не рискнул рассказать этим людям о своей осенней истории. С одной стороны, неудобно мужчине признаваться, что так испугался. А с другой... А с другой, как узнать наверняка, люди это или всё же шайтаны? А вдруг они только и ждут, что я сейчас успокоюсь, расслаблюсь, и они смогут снова затянуть свою опасную, но прекрасную песню...

Дамир Саидгазин

Анна Берникова редкий гость в Махачкале. С тех пор как много лет назад она переехала в Германию, её визиты в родной город становятся всё реже. Каждую осень, раз в два года, раз в пять лет... словно маятник, когда-то запущенный, постепенно замедляется, чтобы однажды остановиться навсегда.

В каждый приезд я сопровождаю её по одному и тому же маршруту. Он начинается на улице Леваневского, затем поворачивает на Котрова, оттуда — на Дахадаева и спускается через Буйнакского к берегу моря. Всякий раз, выбирая самую неуютную погоду, Анна надеется увидеть на одной из улиц нечто такое, чего там нет уже несколько десятилетий. Я давно не задаю вопросов, а она всё равно рассказывает историю, которую услышала в детстве от родителей. Про необычное свойство тумана в Махачкале.

Это бывает раз в несколько лет. Обычно осенью или ранней весной. В город приходит сильный туман, белые простыни накрывают ближайшие к морю улицы. Кажется, что туман прячет город от пыли времени, скрывая его под чехлом, спасая от бури, которая вот-вот придёт с моря. Улицы почему-то резко пустеют. Прохожие, если и попадаются, производят впечатление отрешённых путников, для которых Махачкала — всего лишь тран-

зитный отрезок на воображаемой прямой. Пешком они проходят его от начала и до конца, нигде не задерживаясь. Машин почти нет. Затихает ветер. Город проваливается в тишину, от которой закладывает уши.

В такие дни, рассказывали её родители, на главной площади города можно увидеть необычное атмосферное явление — в тумане медленно исчезает дом правительства. Сначала бледнеют флаги и герб, потом растворяются вытянутые вверх арочные своды, наконец, сливаются с белизной стены. Дом исчезает весь.

Если повезёт и солнце не выйдет, через несколько мгновений можно увидеть, как сквозь туман начинают проступать очертания Александро-Невского собора. Выглядит он точно так же, каким был более полувека назад, когда церковь сносили. Появляется большой купол, звонница с крестами на верхушках и крепкие стены. Последним у самой земли возникает вход в храм. Кажется, до него каких-то десять шагов, протянешь руку — и можно коснуться дверей. Но, сколько ни идёшь, не доходишь. Он как будто висит в воздухе.

Жители соседних домов, особенно снизу, с Буйнакского, рассказывают, что обычно оставляют все домашние дела и выходят на улицу, когда видят, как махина собора вырастает на площади. Говорят, если стоять молча,

К морю, к дому, к храму

можно услышать лёгкий колокольный звон, который то приближается, то отдаляется.

В это время ни связаться, ни каким-либо образом проникнуть в здание правительства невозможно. Его работники полностью отрезаны от окружающего мира. Внутри дома время как будто замирает. Отключается электричество и в кабинетах возникает полумрак. Коридоры пустеют и кажется, что здание все покинули. Если выглянуть в окно, говорят работники, на площади вместо гуляющих женщин с колясками виднеются в тумане ряды торговых палаток и странно одетые люди. Никто не может вспомнить, стояли ли эти палатки до тумана или появились из ниоткуда, но однажды в толпе возле одной из палаток видели человека, одетого в черкеску Махача Дахадаева.

Обычно это явление длится два-три часа, потом очертания собора начинают терять чёткость, и на его месте снова появляется дом правительства.

А ещё Анна рассказывает, будто полвека назад храм до конца так и не смогли разрушить. В расчётах нового здания допустили неточность, и при закладке фундамента пришлось использовать остатки основания собора. С тех пор, говорит она, первоначальная ошибка периодически напоминает о себе, всякий раз заставляя замереть от удивления тех, кто окажется в этот момент на площади. И дефект этот ни скрыть, ни исправить уже невозможно. Как ни старайся.

Берникова не знает, верили сами родители в эту историю или просто придумали, чтобы развлечь дочку. Она медленно идёт по улицам, сжимая замерзающими пальцами тёплый платок, и вглядывается в затерянные между новыми постройками старые дворы. Видит ли она там что-то, неизвестно, но всякий раз наш путь заканчивается у моря. Как будто здесь, на берегу, ещё могут оживать воспоминания.

2016

